

Константин Кураленя

НА РУСЬ !

книга 6 серия Великое кочевье

Константин Кураленя НА РУСЬ!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61550156
SelfPub; 2020*

Аннотация

Приключения в средних веках продолжают. Герой романа попадает в плен к монголам. Его везут на казнь к Угедэй-хану. Но верные друзья приходят на помощь. С уйгурами принцессы Тань Я он вынужден идти в поход на Русь. Внук Чингисхана Батый заливает кровью непокорных русов. В дремучей дальневосточной тайге у целебного источника Луиза обретает новую жизнь.

Содержание

Глава 1.	8
Глава 3.	38
Глава 4.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Константин Кураленя НА РУСЬ!

Задача историка заключается в том, чтобы объективно раскрыть, что, как и почему всё происходило в прошлом; литератор же обязан опереться на достижения исторической науки и, рассмотрев минувшее сквозь призму своего мировидения, по-своему проиллюстрировать давние годы и события, подсветить их личным фонарем и, быть может, внести в них сегодняшний смысл, непременно соотносящийся с главными векторами истории. В.А.Чивилихин. В.А.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЖЕНЕ

. Вступление

Если уважаемый читатель успел забыть об удивительных путешествиях в прошлое моего друга молодости Евгения Близнюка, то я возьму на себя смелость напомнить ему об этих неправдоподобно-захватывающих событиях.

Всё началось с того, что однажды в чулане я обнаружил покрытую пылью десятилетий связку тетрадей. В них оказались записи моего друга Евгения Близнюка. Когда и при каких обстоятельствах он передал их, я решительно не помнил.

Тетради содержали описание удивительных событий. Из записей выходило, что мой товарищ ни много ни мало совершал путешествия в прошлое. Он поднимался на Шаман-гору, что находится в низовьях реки Амур у села Нижнетам-

бовское, и каким-то чудом перемещался во времени.

В первое своё путешествие он попал в 1860 год. Во времена, когда стараниями генерал-губернатора Сибири и Приамурья графа Муравьёва-Амурского заселялся Амур-наш-Батюшка. Вместе с казёнными крестьянами-переселенцами мой товарищ совершил сплав по Амуру, воевал с хунхузами и с беглыми каторжниками. Там он встретил свою любовь. И затем вновь вернулся в наше время.

Во втором путешествии Евгений оказывается в России объятай огнём Гражданской войны. Совершает поход от Петрограда до Владивостока, воюет с белогвардейцами, китайскими бандитами. Вместе с партизанами армии Якова Тряпицына совершает марш от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре. Становится свидетелем пожара, уничтожившего этот первый на Амуре российский город.

В третьем путешествии он попадает во времена строительства города Комсомольска-на-Амуре. Евгений проходит гулаговским этапом. Строит железную дорогу «ВОЛК», участвует в поисках сокровищ ушедшей в небытие Золотой империи чжурчжэней.

Четвёртый временной скачок переносит моего товарища на похороны Чингисхана. Он участвует в средневековых битвах и в походе монголов на Японию, встречает свою потерянную любовь. Наконец, становится последним воином Золотой империи, который укроет от алчных глаз на долгие века казну великого некогда государства.

Потом я обнаружил тетрадь, где было описано, как мой друг побывал во времена Великой Отечественной войны. Участвовал в боях и разведпоисках, прикоснулся к нацистской тайне летающих тарелок, встретил человека с другой планеты... Приключилось с ним ещё много такого, что в сознании уложиться просто не может. Хочу отметить, что по хронологии событий все эти путешествия предшествовали его средневековой эпопее. Просто я напутал порядок издания тетрадью Евгения Близнюка. Тетрадь с рассказом о чжурчжэньских приключениях была последней. Следы его потерялись.

Я делал попытки отыскать моего друга, но безуспешно. Специально посетил Шаман-гору, надеясь там найти ответы на вопросы, но всё было напрасно. А через месяц после моего посещения Шамана в дверь постучал курьер и передал мне свёрток.

– От кого? – поинтересовался я.

– Гражданин пожелал остаться неизвестным.

Я развернул свёрток и из моих затрясшихся рук чуть не высыпались на пол листы вроде тех, что я откопал в тайнике на Шаман-горе. Но те были древними, а сейчас я держал в руках совершенно новенькие, пахнущие рисовой соломой листы, исписанные знакомым почерком.

Первым делом прочёл записку, что лежала сверху:

«Привет, дружище! Ты, наверное, меня уже похоронил? Зря. Я выжил. Посылаю тебе свои записки. Прочитав их, ты

всё поймёшь. Делай с ними, что пожелаешь. Даст Бог, свидимся. Твой друг Евгений».

Отложив записку в сторону, я расправил свёрнутые листы. Первые строки неумолимо начали затягивать меня в бесконечность бессонной ночи...

Глава 1.

ПЛЕН

Невыносимо.

Голова болела невыносимо. От этой нестерпимой боли стонала и молила о пощаде каждая клетка моего многострадального тела. Ощущения были такими, словно по мне прошли катком. Что со мной произошло? Почему моя бедная головушка нещадно колотится о тёплый шерстяной палас-словно стараясь выбить из него пыль? Я с трудом открыл запыленные пылью веки и попытался избавиться от режущей глаза боли. Но не тут-то было. Руки оказались крепко скрученными за спиной.

– Ты не издох ещё, сын шакала? – склонилась надо мной пренеприятнейшая рожа и обдала вонью давно немытого тела и «ароматом» нечищенных зубов.

Я поморщился и отвернул голову в сторону. Хотя наверняка от меня пахло не лучше, переносить пытку смрадом было выше человеческих сил. Перед глазами мерно вздымался лошадиный бок. Я повернул голову в другую сторону. Такая же картина. Всё ясно: я лежал на притороченных к бокам двух лошадей носилках.

– Пить, – просипел я пересохшими губами.

– Ослиной мочи не желаешь? – ухмыльнулась рожа.

– Пить, чучело нестроевое! – повторил я более доходчиво.

– Ах ты! – замахнулся на меня камчой конвоир.

Парень почувствовал, что его оскорбляют, но не мог понять как, и на всякий случай решил меня припугнуть.

Я равнодушно прикрыл глаза. Одной болью больше, одной меньше – какая теперь разница.

– Не смей! – раздался откуда-то сбоку властный голос. – Если с ним что-нибудь случится, я вместо него Угэдэй-хану отдам твою ослиную шкуру!

– А нужна ли хану шкура этого осла? – просипел я.

Через мгновение в поле зрения показался и хозяин голоса-спасителя. Это был воин средних лет. Его лицо украшал сабельный шрам, протянувшийся от виска до подбородка. Судя по богатой одежде, воин был не из простых.

– Чего он хочет? – спросил заступник.

– Пить просит, – недовольно буркнула рожа.

– Ну так напои! – раздражённо бросил командир. – Ещё не хватало, чтобы он из-за твоей тупости от жажды помер. Угэдэй-хан за его голову золотую пайцзу посулил, так что ухаживай за ним, как за родным братом.

– Он столько наших воинов загубил, а мы перед ним будем на карачках ползать, – отвернув рожу в сторону, пробубнил караульный.

– Если понадобится, ты за ним будешь задницу подтирать! – властно пресёк его недовольство командир и, сдавив пятками лошадиные бока, скрылся из виду.

Зажмурившись, пиля живительную влагу, и в голове по-

степенно прояснялось. Сделав последний глоток, я оттолкнул подбородком горлышко бурдюка, и тут всё окончательно встало на свои места.

«Твою в артиллерию монгольскую мать! Я не погиб и сейчас в таком незавидном положении еду в гости к своему закадычному «дружку» Угэдэю», – засадила в мозгах неприятная догадка. А затем все мысли вытеснила одна: «ЛУИЗА!». И перед моими глазами, словно в цветном калейдоскопе, закрутились события последних дней. Вот я сражаюсь один на один с молодым монголом.

– Их передовые отряды сбили заслон! – слышится крик верного оруженосца Барони.

– Вот и всё, Урус, – презрительно улыбнувшись, прошипел мой противник. – Посмотришь с Небес, с каким удовольствием я буду ласкать твою жену.

Я вспоминаю, что молодого монгола зовут Кучу. Он любимый сын Угэдэя. Его злопамятный хан-отец отправил парня на мою поимку. И даже сейчас, качаясь связанный на попоне, я с ненавистью заскрипел зубами.

Жену мою захотел, гадёныш! Лучше бы он промолчал, и я, может быть, не сделал бы того, что сделал.

Одним из моих принципов было не трогать людей, оставивших след в истории, дабы эта самая история не претерпела кардинальных перемен. А этому гаду захотелось быть равным своему деду Чингисхану. Тот любил унижать поверженного противника, насилуя на его глазах жён и дочерей.

Подпрыгнув над летящей под ноги саблей, я махнул своими клинками навстречу друг другу. Рассекая дождевые капли, сабли встретились на шее моего врага. Голова Кучу отделилась от плеч, подпрыгивая и разбрызгивая в разные стороны кровь, улетела во тьму.

– Дерёшься ты гораздо хуже, чем разрабатываешь планы операций, – сплюнул я на камни вязкую слюну. – Сидел бы себе в штабе.

– Господин, надо уходить! – вновь прокричал Барони.

– Трубите отход, – устало произнёс я и направился к распахивающимся воротам.

«Ты хоть понимаешь, что теперь с нами будет? – проснулся внутренний голос. – Ты оставил без головы сыночка Угэдэя. Хан итак спит и видит, как сдирает с тебя с живого кожу, а тут ещё и сынок по твоей воле отправился в страну вечной охоты».

Перед глазами возникла другая картинка из того же прошлого. На ходу застёгивая перевязь с саблями, я выбегаю в коридор и нос к носу сталкиваюсь с Барони.

– Господин, они пробили стену, – произнёс он.

– Позаботься о принцессе! – приказываю я.

Во дворе плясали огни факелов и размазанными пятнами суетились тени людей.

– Командир! – услышал я голос Диландая. – Обвалилась левая опора ворот.

– Что монголы?

– Собираются штурмовать!

– Приготовить камнемёты! Крепёж на ворота! Стрелки на стены! Заградительный отряд к пролому! – отдавал я на бегу команды.

Взбежав на стену, я взгляделся в темноту. В стане противника царило оживление, но в атаку никто не шёл.

«Решили дожидаться рассвета и действовать наверняка, – понял я. – Хорошо. За это время мы успеем укрепить ворота связанными из брёвен щитами».

Все от мала до велика занимались подготовкой к отражению штурма: на кострах кипела смола, у баллист суетились артиллеристы. Лица людей сосредоточены и серьёзны – в них ни капли страха. А я в который раз восхищаюсь готовностью своих товарищей по оружию принять удар судьбы, каковы бы ни были его последствия.

Из-за спины в сопровождении Барони появилась Луиза.

– Тебе же нельзя, – поморщился я.

– Ещё не скоро, – серьёзно ответила она.

Несмотря на трагичность ситуации я невольно улыбнулся. Вот упрямая девчонка! Если рожать не скоро, значит можно лезть под монгольские стрелы.

Светало. В стане неприятеля наметилось оживление. Весь огонь их камнемётов переключился на заделанную брёвнами брешь. Снаряды, начинённые порохом и огненной смесью, один за другим падают на брёвна. И вот уже не удаётся залить бушующее пламя.

– Ул-ла! – раздаётся клич со стороны монгольской рати и конница устремляется вперёд. Следом бегут лёгкие пехотинцы, вслед за ними выступают тяжело бронированные воины.

– Огонь! – отдаю я команду.

Теперь уже заработали наши камнемёты. Свист стрел, огненные вспышки и грохот разрывов, ржание лошадей и крики людей – всё смешалось в единое целое под названием «война».

Меткие попадания вражьей артиллерии разметали горящие брёвна и всадники устремились в брешь.

– Женя! – забыв о конспирации, кричит Луиза.

– Там справятся! Не высовывайся! – грожу я ей кулаком.

Стоящий напротив пробойны заградотряд выставил вперёд длинные рогатины. Лучники почти в упор бьют по перемахивающим через пламя всадникам. Стрелы с бронебойными наконечниками сбивают отчаянных кавалеристов прямо на остриё упёртых в землю рогатин и в полыхающий огонь.

Над крепостью поднялся приторный дух палёного человеческого мяса. От вытекающего из корчащихся в огне тел жира огонь разгорается ещё больше. Многим удаётся прорваться. Во дворе вспыхивает рукопашная схватка.

– Отсекайте пехоту! – кричу я стрелкам и, перемахнув через перила, устремляюсь вниз. Барони мчится следом за мной. К воинам заградотряда подоспели женщины и крючьями стаскивают всадников наземь. Мы с оруженосцем вламываемся в самую гущу сечи и вносим посильную лепту.

В первых лучах восходящего солнца блестят окровавленные клинки, и монголы откатываются назад. Отставшие становятся добычей женщин.

Штурм отбит. Обе стороны зализывают раны. Я не думаю, что на этом всё успокоится. Уж слишком решительно настроены монголы. Вперёд их толкают не только приказы десятников, но и голод. От тех же языков я слышал, что у неприятеля появились случаи людоедства.

«Не всё коту масленица, – злорадно думаю я, глядя на спины улепётывающих воинов. – Пора и вам сходить туда, куда вы посылали других!».

Хуже всего то, что у монголов есть резервы, а наших бойцов можно пересчитать по пальцам.

«Эх, – вздыхаю я о несбыточном. – Нам бы свежих воинов сотен десять, и неизвестно в чью сторону склонилась бы чаша весов победы».

До вечера мы отбили ещё два штурма. Оба Луиза просидела в башне под присмотром Агуды. К закату стоять у катапульт стало некому. А монголы пошли на очередной штурм. Это были последние силы, которые они могли противопоставить нам. Несколько десятков воинов собрались вокруг меня на крепостной стене.

– Мёртвые сраму не имут! – произнёс я свою последнюю речь.

Я стоял на высокой стене и смотрел на копошащихся внизу людей.

– Повелитель, монголы подтащили таран! – донёсся до меня хриплый голос.

– Смолу! – приказал я.

– Не поможет. Над ним крепкий навес, – ответил Диландай. – Да и ворота держатся на честном слове.

– Крепить ворота с нашей стороны! – махнул я рукой в сторону ворот.

– Некому, – спокойно произнёс Диландай, прикрывая меня щитом от очередной порции монгольских стрел.

Сразу две стрелы с противным стуком пробили кожаную обивку и, задрожав оперением, застряли в деревянной основе щита. Диландай небрежно смахнул их саблей и одним ловким движением кинул её в ножны.

– Как Адзи? – поинтересовался я.

– Рвётся на стены, – ухмыльнулся куин.

Он был воином, и определённое им самим короткое время оставшейся жизни нисколько его не смущало.

– Теперь уже можно, – отрешённо произнёс я. – Теперь всё можно.

– Но ваш сын? – голос Диландая дрогнул.

– Мой сын никогда не станет рабом! – стиснул я зубы.

Из-под крепостных стен раздался дикий вой. Опрокинутая вниз кипящая смола всё-таки достигла цели.

Я поймал себя на мысли, что всё это уже происходило со мной. В далёком 1934 году в моих снах, которые я тщетно пытался расшифровать.

– Барони не пускал меня к тебе, – капризно произнесла принцесса, прижимаясь ко мне плечом.

Рой летающих стрел и неприятный свист зажигательных снарядов не производил на неё абсолютно никакого впечатления. Настоящая амазонка и жена солдата!

В серебристой миниатюрной кольчуге работы лучших чжурчжэньских мастеров, с золотой цепью, толщине которой мог бы позавидовать любой из братков девяностых годов двадцатого века, она появилась на стене сразу же, как только я снял свой запрет понимая, что отмеренное нам время подходит к концу. Попытки вернуться в свой век так и не принесли желаемых результатов.

Мимо нас прогремели латами несколько воинов, спешана подмогу в сторону ворот. Адзи перегнулась через каменный зубец стены и стала комментировать события.

– Бьют тараном в ворота! Смола горит прямо на навесе, но они не отходят.

– Осторожнее! – предостерёг я её.

– Прикажи сбросить на них камни, – повернула ко мне голову Адзи. – Ой!

Я с ужасом смотрел на торчащее из-под её ключицы оперение тяжёлой бронебойной стрелы и не знал, что делать.

– Что это? – девушка посмотрела мне в глаза. – Ты чего-то испугался?

Из очерченных пушистыми ресницами глаз, набухая, покатались две крупные слезы. Лицо Луизы побледнело,

немного широковатые скулы вмиг обострились. Она пошатнулась и медленно подняла руку к стреле.

– Больно, – прошептала девушка и стала оседать.

Выйдя из оцепенения, я подхватил ставшее безвольным тело на руки и поднял лицо к небу.

– Почему её, а не меня?

Ко всему безразличные небеса подобные крики слышали не один миллион раз и всегда оставались равнодушными. Не может солнце светить одинаково для всех, и если ты не баловень судьбы, то тебе уготованы рай на небесах и великие страдания на земле.

Окружающий мир во всём своём многоцветном великолепии в одно мгновение стал серым и безликим. Моя мечта, моя любовь, моя Адзи смотрела на меня угасающим взглядом. Круг замкнулся. Вечность сделала свой очередной ход. Я прижимал хрупкое тело любимой женщины к груди и чувствовал, как из него вытекает жизнь. Рядом суетился Барони, но даже у него не было веры в исцеление своей принцессы.

– Её надо к святому источнику, – сказал он, потупив глаза. – Боги освятили надеждою воду жизни, она ей поможет.

Я раньше слышал об этом источнике (гораздо позже, в тысяча девятьсот восьмидесятых, он станет называться Анненские Воды), но находился он не близко. Выбраться из осаждённой крепости и добраться до него представлялось практически невозможно. Но если имеется хоть один шанс из тысячи, его надо использовать. Тем более я знал, что если от-

правлю Барони, то он обязательно дойдёт. А иначе как бы его встретил в 1933 году? Даже если не удастся спасти Луизу, молодой тудири должен жить, в противном случае разорвётся связавшая нас цепь событий.

– Диландай! – прохрипел я.

– Я здесь, командир.

– Только тебе верю, тебе и Барони, – произнёс я, глядя ему в глаза. – Ты всё слышал?

– Всё.

– Сможете?

– А как ты?

– Я вас прикрою, а потом догоню. Воспользуйтесь подземным ходом.

– Давай лучше я? – взгляд куина стал просящим.

Но я знал, что если монголы не найдут моего тела, они не успокоятся – по всем тропам устремятся отряды преследователей. И тогда, обременённые раненой, мои друзья вряд ли сумеют уйти. А я хотел, чтобы Луиза жила и родила дочь. Барони её вылечит, я был в этом уверен. Парень настоящий тудири, и я не раз убеждался в его могуществе.

И вот небольшой отряд из восьми человек скрылся в подземном ходу. Я поднапрягся и сдвинул рычаг, удерживавший массу камней над входом. Раздался грохот. Когда пыль улеглась, я увидел, что место входа надёжно замуровано.

– Вот и всё, – произнёс я вполголоса. – Все пути отрезаны.

Слышались крики монголов, добывающих раненых. Мне

показалось, что в живых остался лишь я. Поднявшись на стену, я встал в нишу, прикрывавшую спину и бока, готовый отдать свою жизнь, нозадорого. И вот на стене показались первые враги. Они бросились на меня, азартно размахивая кривыми саблями.

– Накось, выкуси! – хмыкнул я, отводя удар клинка первого противника одной саблей и взмахивая второй.

Удивлённые глаза монгола на отлетающей в сторону голове тоскливо посмотрели на остающееся на месте тело. Вероятно, в первый и последний раз судьба подарила им такой шанс – посмотреть на себя со стороны. Я же больше не смог подмечать все тонкости происходивших вокруг меня событий. На меня навалилась куча озверевших монголов. Они все во чтобы то ни стало хотели полоснуть меня саблей.

И вновь моя душа покинула тело и наблюдала, как прижатый к крепостной стене воин бьётся с наседающими на него врагами. Две сабли в руках устроили настоящий хоровод смерти. Камни под ногами стали скользкими от пролитой крови. Он уже стоял окружённый горой трупов, сбивая монгольскую прыть.

Наконец-то не стало желающих лезть в мясорубку из сверкающей стали.

– Вот так-то, – удовлетворённо произнёс воин, утирая локтем мокрое от пота лицо. – У нас не забалуешь.

– Урус, ты покойник! – в бессильной злобе завывали стоящие по сторонам монголы. – Мы выпустим твои кишки и

подвесим тебя на них на самой высокой ёлке!

– Было бы любопытно на это посмотреть, – усмехнулась моя душа, вернувшись в своё тело. – Ну что есть ещё желающие отправиться на встречу с великим Тенгри?

Желающих не было. Но и продолжаться так долго не могло.

«Сейчас вызовут лучников», – отрешённо подумал я. Но произошло то, чего я совершенно не ожидал: откуда-то сверху на меня упала сеть и прочной паутиной окутала руки и ноги.

– А-а-а! – бросились ко мне стеснявшиеся до этого враги. Я попытался выхватить нож и располосовать мягкие оковы, но слишком ничтожным было расстояние, разделявшее меня и монголов. Поняв тщетность своих усилий, я гордо выпрямился и прищурился навстречу летящей ко мне смерти.

«Всё-таки не один уйду», – подумал я почти счастливо, почувствовав, как нож в моей руке вспарывает брюхо наравшегося на него воина. После этого в голове вспыхнул разрыв гранаты, и всё погрузилось во тьму.

И вот теперь, придя в себя, связанный и болтающийся на конской попоне, я понял, что судьба приготовила мне новые испытания. Но я жив, и значит не всё ещё потеряно.

– Истыбай! – послышался голос командира. – Уруса ни в коем случае не развязывать. Если будет нужда, то только под прицелом пятёрки стрелков с готовыми для стрельбы луками. Уж слишком этот багатур пряткий.

– Слушаюсь, повелитель, – ослабился мой страж. – От меня не уйдёт.

– Что ты всё радуешься, чмошник? – раздражённо произнёс я. – Достойная слава для воина – трястись от страха перед раненым и связанным противником!

– Но-но! – ткнул в меня древком копья Истыбай. – Приказ темника – закон. Если бы не он – корчился бы ты у меня сейчас от боли как червь навозный.

Глава 2.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОКОВАХ

Теперь меня везли в обратном направлении. Только на этот раз нашей дорогой были не широкие воды Амура-батьюшки, а прибрежные камни да песчаные отмели. Воды монголы боялись и предпочитали безопасный берег. Продвигалось воинство медленно. Левый берег Амура – это поймы, болота и множество рек и речушек, которые приходилось форсировать.

Я с тоской и болью смотрел на то, во что превратили монголы этот берег. Все поселения и крепости были разграблены и сожжены. Встречали нас только запах гари и разложения да карканье ворон.

«Так и не сможет оправиться эта суровая земля от последствий монгольского вторжения, – думал я. – Разбегутся по тайге остатки некогда гордого народа, чтобы жить там в первобытнообщинном строе. Но будут изредка прерывать их вековой сон отчаянные удалыцы, не испугавшиеся неве-

домого. Через четыре сотни лет пройдёт здесь со своей ва-тагой Ерофей Павлович, пройдут другие русские люди, желая добыть вольной жизни для себя и земли для государства российского. И настанет 1850 год, когда крепко и по-хо-зйски пройдут по берегам истосковавшейся по многолюдью рекирастоптанные солдатские сапоги русского воина. Станет эта земля окраиной Империи Российской. Ой ли, и надолго ли окраиной? Огромен потенциал Дальнего Востока, и кто знает, какую судьбу готовит ему будущее.».

– Держи, собака! – отвлѣк меня от дум злобный голос стража, и на мою грудь упал кусок рисовой лепѣшки.

– Ты хоть бы руки впереди перевязал, – произнёс я. – Как я есть буду?

– А ты попробуй, может и получится, – заржал Исты-бай.

– Умру я, сдохнешь и ты, – ухмыльнулся я в ответ. – Либо корми меня сам, либо перевяжи руки. А чтобы тебе не было страшно позови пять лучников. Тебе ведь так Учуха прика-зывал?

Я видел, как накаляется красным цветом и без того брон-зовое лицо стража. А мне только того и надо.

– Тебе темник приказал даже задницу за мной подти-рать, – продолжал нагнетать я обстановку. – Зови стрелков недоумок, я есть хочу. А после я по нужде схожу, а ты зад-ницу подотрёшь.

Глядя в побелевшие глаза Истыбая, яподумал, что немно-го перегнул. Но нет, парень справился с приступом злобы и

хрипло просипел:

– Истыбай сразил на поединке Кутума, Джа-муда и Кепешку. Истыбай был под стенами Кайфына и... – Далее последовал длинный список городов, которые без участия такого доблестного багатура монголам бы никогда не взять. – Истыбай никого не боится.

– Ну, тогда другое дело! Тогда ты и без лучников обойдёшься, – поцокал я с уважением языком и, подставляя руки, перевернулся на живот.

«Поддастся или нет?» – думал я, разглядывая лошадиный бок.

Мы были в районе будущего города Комсомольск-на-Амуре. Эти места были мне прекрасно знакомы. Я знал, где смогу укрыться, если выгорит задуманное.

И вот оно! Я почувствовал, как кожаные путы свалились с моих рук.

– Переворачивайся! – раздался напряжённый голос Истыбая.

Я молча подчинился и застонал не то от боли, не то от досады. Руки были как не мои – они совершенно отказывались подчиняться. Пока мозг лихорадочно работал в поисках выхода из положения, я притворился совершенно беспомощным.

– А ты как думал! – заржал охранник. – Лучники, лучники. – Передразнил он темника. – После моих пут надо день отлёживаться.

Но дня он мне, конечно же, не дал.

– Руки! – прикрикнул он, протягивая перед собой смоченную водой кожаную петлю. Такая удавка постепенно высыхает, и стягивается так, что её невозможно развязать даже зубами. Только резать.

– Не могу, – просипел я, делая попытки приподнять раскинутые вдоль тела руки.

Последовала нецензурная монгольская лексика, и Истыбай склонился ко мне, чтобы помочь поднять руки. Я бы на его месте этого не делал. Чуть погодя он и сам это понял, но было уже поздно. Ещё секунду назад беспомощные руки ожили и, сжавшись в кулаки, ударили расслабившегося стража по ушам. Глаза воина обиженно закатились, и он свалился на землю.

Время пошло на секунды. Я вывалился из попоны рядом с Истыбаем. Выхватил у него из-за пояса саблю и полоснул по ремням на ногах. Поймал за повод его лошадь и вскочил в седло. Пригнувшись к гриве коня, я направил его в лес. Мои ноздри вновь почувствовали ветер свободы.

– Что? Взяли? – вырвался из груди торжествующий возглас.

– Фьють, – раздался лёгкий посвист за моей спиной. Я почувствовал болезненный укол под лопаткой, и земля резко скакнула мне навстречу. Затем наступила ночь.

Я сидел на облаке и, покачивая ногами, рассматривал проплывавшие подо мной реки, леса и озёра. Рядом, также без-

заботно покачивая ножками, сидела Луиза. Я попытался её обнять и прижать к себе, но мои руки поймали пустоту.

– Не трать напрасно время, – улыбнулась она. – Я здесь гораздо дольше и могу тебе сказать, что это наши с тобой бес-телесные оболочки. Ты понимаешь, почему мы здесь встретились?

– Но ведь это ещё не тот свет? – ответил я вопросом на вопрос.

– Вот именно. Мы с тобой находимся на грани между жизнью и смертью, поэтому наши души и встретили друг друга перед воротами в вечность. Это Барони шаманит. Мы знаем, что с тобой произошло и как ты попал в плен. Диландай собирается к тебе на выручку, а мы с Барони останемся у целебного источника.

– Вы живы! – облегчённо вздохнул я. – Теперь и умирать не страшно.

– Не говори так, – нахмурилась Луиза. – Ты должен знать, что я буду тебя ждать хоть на этом свете, хоть на том.

Ты разве забыл, что мы друг у друга ангелы-хранители? И если Бог призовет нас к себе, то всё равно впереди у нас целая вечность.

– Вечность – это хорошо, – улыбнулся я. – Но хотелось бы ещё на этом свете кое-кому нервы попортить.

– Всё, – встревожено завертела головой Луиза. – Барони покидает этот мир. Помни, о чём я тебе сказала!

– Ну что, живой? – услышал я посторонний голос и от-

крыл глаза.

На меня смотрел темник Учуха. Стало ясно, что моя попытка побега не удалась. Я вспомнил боль под лопаткой и падение с лошади. Подстрелили словно утку.

– Ты больше так не делай, принц, – проникновенно произнёс темник, увидев, что я пришёл в себя. – Неужели ты думаешь, что я бы доверился одному этому болвану Истыбаю? Правда и лучник, который тебя ранил, оказался идиотом. Тебя нельзя убивать, ты самая ценная добыча, которую мне когда-либо приходилось сопровождать. Слава Великому Небуты выжил!

– А уж как я рад, – скривился я от стрельнувшей под лопаткой боли.

– Сейчас мы тебя даже не стали связывать, – улыбнулся мне как родному Учуха. – Выздоровливай. Ты должен быть полон сил, когда предстанешь перед Великим Ханом.

– Да уж, – представил я эту встречу и передёрнулся. – Силы мне понадобятся. А сколько времени я был без сознания?

– Семь переходов.

Семь переходов – это значит семь суток. Выходит, что мои парни с Луизой уже добрались до Анненских Вод. Ну, дай-то Бог. Конечно, милая беседа с Луизой на облачке это всего лишь бред воспалённого сознания, но он внушил мне надежду. А пока я верю, я борюсь. И что-то она говорила про Диландая? Если он даже и вышел ко мне на помощь, то нагонит отряд не скоро. Монголы умели передвигаться быстро.

– А где мой друг Истыбай? – спросил я.

– Ему отрубили голову.

– Сурово, – вновь поморщился я от боли.

– Ладно, ничего не говори. Тебе нельзя. – Обеспокоился за моё здоровье Учуха.

Заботливый. Как он радуется о том, чтобы меня не больного, а здорового отдали на растерзание рыжим собакам.

Моя болезнь затянулась. По-видимому, сказалось перенапряжение последних месяцев. Рана не заживала. От постоянной тряски она вскрывалась и кровоточила. Я совершенно ослаб. Учуха понимал, что если так будет продолжаться и дальше, то живым он меня не довезёт. И вот настал момент, когда, скрепя зубами, он отдал команду встать на длительную стоянку.

Мы остановились в крепости, которая показалась мне знакомой. А когда навстречу вышел комендант, я сразу вспомнил эту пронырливую физиономию. Тайбачан! Эту крепость мы брали в прошлом году, чтобы воины могли отсидеться и набраться сил. А комендантом здесь по-прежнему сидел знакомый перс. Надо же, выкрутился стервец!

– Я рад приветствовать в стенах Тайбачана великого багатура Уйчуху, победителя неверного Уруса! – радостно засеменял он от стола, протягивая перед собой руки. – Слава о твоих победах донеслась до наших ушей задолго до появления ваших скакунов.

– Твой язык по-прежнему источает реки мёда, Махмед, –

отмахнулся от перса темник. – Выйди во двор и посмотри, сколько воинов я привёл обратно. Вряд ли такую победу можно считать великой.

– Ты пленил самого злостного врага Великого Хана. А воины нужны для того, чтобы своими смертями притворять в жизнь дерзкие замыслы полководцев. Хвала Аллаху этого добра наши ханум рожают в таком количестве, что не стоит жалеть о потерях. – Весело засмеялся комендант.

Ребята болтали так, словно меня рядом не было. Да и правда, стоит ли обращать внимание на полутруп, который в скором времени станет куском смердящего мяса.

– Погиб сын Угэдэй-Хана. Чей хребет ответит за его смерть? – Учухе было явно не до смеха.

– Ты везёшь виновника его гибели, его хребет и ответит, – успокоил темника перс. – У, собака! – Замахнулся он на меня камчой.

Парень меня совершенно не узнавал. Да и как было узнать в измождённом доходяге бравого телохранителя одной из жён монгольского хана. Моё лицо заросло густой бородой, а грязное невымытое тело вызывало лишь отвращение.

– Вот это лишнее, – поморщился Учуха. – Сейчас ему требуется хороший уход и усиленное лечение. Разущи мне того лекаря, что больным оставлял у тебя хан Кучу.

– А зачем искать, – пожал плечами Махмед. – Он сейчас пользуется твоих воинов.

Вскоре пришёл маленький сухонький седобородый ле-

карь. Он осмотрел мою рану и осуждающе покачал головой.

– Что? – спросил темник.

– Рана не смертельная, но ему необходим покой, – ответил китаец. – Её нельзя тревожить, тем более перевозить раненого с места на место.

– Но нам необходимо как можно скорее прибыть к Угэдэй-хану. Нет ли у тебя средства для скорой помощи? – В словах Учухи слышалось беспокойство.

– Такого средства нет ни у кого, – покачал головой старик. – Только покой. Иначе он умрёт.

– Забирай его себе, и чтобы через семь дней он был готов продолжить путь! – приказал лекарю Учуха. – А так как этот раненый слишком шустрый, то и днём и ночью его будут охранять три нукера.

– Помилуйте господин, – удивился китаец. – Какая охрана? Этот человек ещё месяц не сможет взобраться на лошадь.

– Охрана три воина! – жёстко произнёс темник. – Я видел, на что способен этот шайтан.

И потянулись тягучие дни выздоровления. Мой врач оказался приверженцем Конфуция. Я же этого парня не любил. Слишком уж он перед властью лебезил. А я воспитывался в пионерской и комсомольской организациях и знал наверняка, что самая лучшая власть – советская. Остальные власти надо свергать до полной победы коммунизма.

– Вы не правы, – пытался навязать мне свои взгляды це-

литель Вэй. – Кун-цзы не призывал к слепому повиновению власти имущим. Он говорил, что «Правитель должен быть правителем, а подданный – подданным; отец – отцом, а сын – сыном».

– А как насчёт «чего не желаешь себе, того не делай другим», – проявил я своё знание Конфуция. – Вы меня лечите, а ведь меня везут на казнь. Не проще ли мне умереть здесь, смертью лёгкой и не страшной?

– О, Жень (Принцип гуманности и человеколюбия)! – закатил глаза Вэй и потрепал себя за куцую бородку. – Вы знаете концепции Учителя? Тогда вам должна быть знакома и Тянь: «Жизнь и смерть определяется судьбой, богатство и знатность зависит от неба».

– За это я и не люблю философов, – усмехнулся я. – Слишком много болтовни, а реального дела кот наплакал. На все случаи жизни есть глубокомысленные изречения, а помирать всё равно придётся.

Несмотря на болтовню, лечить китаец умел. К концу недели у меня появился аппетит, и я стал ощущать, как моё тело наливается силой. Кроме всего прочего я узнал, кто сотворил мир с китайской точки зрения ещё очень много познавательных вещей. Лекарь Вэй не умел молчать. Откачивал ли гной из моей раны или накладывал перевязку – он всё время что-то рассказывал. А я слушал.

– Когда-то очень давно в мире не было ни неба, ни земли, – начинал он свой рассказ. – Весь космос представлял

собой огромное яйцо, внутри которого была сплошная мгла и царил дикий хаос. Всё смешалось в этом яйце. Не разберёшь, где верх или низ, право или лево.

А о сторонах света и говорить нечего, ни юга, ни запада. Но так случилось, что внутри этого яйца находился знаменитый герой Пань Гу.

– И чем же он был знаменит? – невинно поинтересовался я. – И кто его возвёл в этот ранг, ведь ничего и никого не было?

Вэй на секунду сбился, но затем невозмутимо продолжил:

– Знаменитым он станет потом, а пока богатырь просто спал в яйце. Спал он восемнадцать тысяч лет, а когда проснулся, то увидел, что находится во тьме. Было очень жарко, его грудь раздирало от удушья. Он хотел встать и выпрямиться, но скорлупа ему этого не позволила. Пань Гу не на шутку разгневался. Он схватил большую секиру, которая была при нём с самого рождения, и со всего маху рубанул ею по скорлупе. – При уточнении насчёт секиры, старик непрозвольно покосился в мою сторону.

«Заранее уточняет, – усмехнулся я. – Пока я не поинтересовался, откуда в яйце взялась секира».

– Раздался гром, и яйцо расколосось, – продолжил китаец. – Всё чистое и прозрачное, что находилось в яйце, поднялось ввысь и образовало небо. А всё тяжёлое и нехорошее опустилось вниз и стало землёй.

Пань Гу обрадовался, что сумел отделить Небо от Земли.

Но тут он заметил, что грязное и тяжёлое тянется к чистому и светлому.

Он понял, что Небо и Земля могут сомкнуться, и тогда вновь наступит Хаос. Он головой подпёр Небо, а ногами упёрся в Землю. Каждый день он вырастал на один чжан (3,3 м), и на это расстояние Небо отделялось от Земли. Таким образом, прошло ещё восемнадцать тысяч лет. Пань Гу превратился в огромного подпирающего Небо великана. Его рост составлял девяносто тысяч ли. К этому времени Земля затвердела и уже не могла слиться с Небом. Но и силы героя были не безграничны. Ведь все эти годы он не принимал пищу, потому что не мог оставить своего поста. Он в последний раз взглянул на дело рук своих и свалился бездыханным на Землю.

Перед тем как умереть, тело богатыря стало изменяться. Его левый глаз превратился в солнце, а правый – в луну. Последний его вздох стал ветром и облаками. А последний исторгнутый им звук отныне мы называем громом. Его волосы и усы рассыпались на многое множество сверкающих звёзд. Руки и ноги героя указали направление четырёх сторон света. Голова и туловище стали сопками и горами. Выплеснувшаяся из тела кровь омыла Землю морями, реками и озёрами. Его плоть стала плодородной землёй, а жилы – дорогами. Кожа и волосы на теле превратились в лес и траву, зубы и кости – в полезнее ископаемые. Пот стал дождём и росой. И был сотворён мир.

Вэй замолчал и, склонившись над моей раной, продолжил процедуру перевязки. Он острым лезвием надрезал бинт и, обмотав две полосы вокруг туловища, завязал их.

«А процедура перевязки за столько веков ни капли не изменилась, – подумал я, наблюдая за его манипуляциями. – Только наша медсестра вместо лезвия использовала бы свои зубы».

– О чём ты думаешь! – возмутился дремавший до поры, до времени внутренний голос. – Нас везут на верную смерть, а он медсестёр вспоминает. Лучше сиди и придумывай, как нам с целым хребтом остаться.

– Ты думаешь, что я удостоюсь чести быть казнённым таким способом?

– Не ты, а мы, – поправил меня голос. – Мы ведь принц.

– На каком языке изволил говорить достопочтенный Аян? – назвал меня чжурчжэньским именем Вэй.

Оказывается, я говорил вслух.

– Это язык племени руссов, – не стал секретничать я, ведь китаец и сам был рабом.

– Не знаю, – покачал он головой. – Пань Гу создал землю для многих племён и народов.

– Это мой народ, – произнёс я. – И скоро его земли залыют реки крови. Хан Бату готовит поход на Запад.

– А ты откуда знаешь? – взглянул на меня китаец. – О том, что поход всё-таки состоится, заговорили совсем недавно.

– Ну, ты-то ведь знаешь, – ушёл я от ответа.

– Я знаю потому, что был не только лекарем убитого тобой Кучу, но и летописцем. А решение о походе в страны запада принималось на курултае, и ты никак не мог о нём знать.

– А почему Бату? – спросил я.

– Так это же улус его рода. – Пожал плечами старик.

– Даже если они ещё не были завоёваны?

– Завоевание всего мира – это дело времени. Армии монголов настолько сильны, что Чингисхан, разделяя всю землю на улусы для своих детей, не сомневался, что может быть поиному.

– А откуда ты знаешь, как меня звали при дворе императора Цзинь? – поинтересовался я.

– Я не всегда был рабом хана Кучу, – задумчиво прищурился Вэй. – Когда-то я был придворным лекарем высокопоставленных особ. Я видел тебя, принц Аян, ещё до разгрома империи.

«Мир тесен, – подумал я. – Интересно, а мог бы он мне помочь?».

– О помощи меня не проси, – словно прочёл мои мысли китаец. – Я не воин и слаб телом и воинским духом. Я слишком привязан к жизни, чтобы рисковать ею.

– Жизнь и смерть определяется судьбой, – произнёс я. – Понимаю.

– Могу тебе сказать, что армией будет командовать не Бату.

– Не понял! – удивился я.

Я был действительно удивлён. Все исторические источники, о которых я знал, говорили о том, что набегом на Русь командовал Батый. А китаец говорил, что не он. Где же кроется правда?

– Кроме Бату в Северные страны идут ещё одиннадцать принцев царской крови, – пояснил лекарь. – Угэдэй-хан – хитрый лис. Хоть этот улус выделен старшему сыну Джучи, но он боится отдавать армию под единоначалие молодого хана. Он и с отцом его не очень ладил, и поэтому опасается бунта.

– Откуда тебе всё это известно? – покачал я головой. – Словно ты присутствовал на всех военных советах.

– Я учёный и лекарь при особах царских кровей. Я умею слушать и делать выводы. Я очень бы хотел тебе помочь, но боюсь, что моя помощь будет только такой, принц Аян.

– Хорошо, – кивнул я головой. – Продолжай.

– Эта история началась в те времена, когда жену Чингисхана захватили меркиты. Из плена Бортэ вернулась с новорожденным. Имя ему дали Джучи (так называли путников, прибывших в гости). Чингисхан назвал ребёнка своим, но, как показало время, этого оказалось мало. Злые языки нашептывали, что на самом деле Джучи – ребёнок меркитского плена.

– А как было на самом деле? – не выдержал я.

– Об этом знает только Борте. До самой смерти Чингисхан и Джучи сомневались в своём кровном родстве. Сомнения. –

Задумчиво произнёс Вэй. – Сомнения в верности, дружбе, любви – это страшный яд, который разъедает душу и выжигает из неё благоразумие. Чингисхан никогда не показывал своих сомнений. Один лишь раз он позволил чувствам взять верх, заподозрив Джучи в предательстве. Но когда всё выяснилось, он раскаялся в этом. Джучи действительно был болен и не мог приехать к отцу по его приказу.

– А как это может помочь мне? – спросил я.

– Разногласия, – поднял указательный палец вверх лекарь. – Если тебе удастся сбежать, то тебе необходимо идти к Бату. Меж собой все Чингизиды считают его внуком не чистой крови. Ему приходится нелегко. Ты знаешь, как зовут молодого хана люди его улуса?

– Я с ним ни разу не встречался.

– Его зовут Саин-хан, что значит добродушный.

– Ничего себе добродушный! – не выдержал я. – Залил кровью всю Европу. Разорил города и страны.

– Как это ни прискорбно, но смерть и кровь являются непреложным законом войны. Бату никогда не был кровожадным. Несмотря на свою молодость (ему сейчас двадцать семь лет), он всегда исходил из принципов разумности.

– Но всё-таки, почему именно Бату? – не мог понять я Вэя.

– Звёзды говорят, что линия твоей судьбы будет непрерывна только с линией хана, – ответил лекарь.

Озадачил меня Вэй, конечно, здорово и даже звёзды сюда приплёл. А как быть с Угэдэем? Он Великий Хан всех мон-

голов, и не Батыю тягаться со своим дядькой.

«Жизнь покажет! – махнул я как обычно рукой. – Из плена бы только выбраться».

Глава 3.

ВСТРЕЧА

Проснулся я от заполошных криков во дворе крепости, лошадиного ржания и топота копыт. Было раннее осеннее утро. Примораживало. Иней на стыках между бычьим пузырьём и оконной рамой говорил о том, что настоящие холода дане за горами.

– Куда прёшь, баран?

– Ты бы ещё корову с собой прихватил!

– А ну-ка расступись, это приказ темника! – неслись со всех сторон возбуждённые голоса. Я понял, что наш отдых закончился, а значит время моего пребывания в этом мире помчалось со стремительностью секундной стрелки.

– Господин, нельзя его. Ещё слишком рано. – Приложив руки к груди, говорил Учухе лекарь.

– Не было бы поздно! – досадливо поморщился темник. – Угэдэй прислал гонца. Поэтому, старик, собирай все свои снадобья и готовься в путь. Хан устал ждать и требует пленника к себе в Каракорум.

– Ему нельзя верхом, не выдержит, – попытался спорить лекарь.

– Молчи, раб, и делай, что тебе велят! – разгневанно прошипел Учуха и вышел вон.

Маленький Вэй по всегдашней своей привычке потерябил

бородку и горестно вздохнул.

– Не доедешь ведь.

– Куда? – усмехнулся я. – Ты забыл, куда меня везут? Так какая разница, где я встречу свой последний час?

Учуха не стал ждать всего войска, видно слишком жёстким был приказ Угэдэя. Во главе сотни воинов он устремился в Каракорум. Я трясся связанный в лёгкой рессорной повозке в середине отряда. Рядом со мной восседал целитель Вэй. Моя неизменная охрана из пяти нукеров сдерживала лошадей, бдительно окружив повозку со всех сторон. Всё-таки Учуха послушался старого китайца и не стал сажать меня верхом.

Я наблюдал за копошившимися около своих фанз китайцами и думал о Луизе. С тех пор как пошёл на поправку, она перестала мне сниться. Я боялся даже думать о самом страшном. Но я был воином и прекрасно понимал, что беззубая размахивает своей косой, не разбирая, кто тут прав, а кто не очень. Но, словно бы услышав моё желание, этой ночью мне приснился сон.

– Ты не волнуйся, мне здесь хорошо, – грустно улыбалась Луиза. – Просто без тебя очень тоскливо и одиноко. Но я тебя дождусь.

– Уже немного осталось, родная, – прижал я её голову к своей груди. – Угэдэй торопится устроить нам эту встречу. Захлебнувшись в своей злобе, он не понимает, что я только этого и жду.

– Нет! – негодуяще воскликнула девушка. – Это случится не сейчас! Не торопи неизбежного. Всему своё время. Ты, свершив положенное, должен будешь вернуться к целебному источнику. Поклянись мне в этом.

И такая настойчивость слышалась в её голосе, что я растерянно произнёс:

– Клянусь!

– Ну, вот и хорошо, – расслабленно улыбнулась Луиза, и её облик стал меркнуть и растворяться.

– А зачем? – крикнул я ей в след. – Всё равно тебя там нет!

– Помни клятву, – протяжным голосом ответила мгла, поглотившая Луизу.

Я открыл глаза и решил, что Луизы в этом мире больше нет. Я плакал без слёз. Саднило уставшее судорожно сжиматься горло. Мне было очень плохо, хотелось умереть.

«А клятва? – пробился в моё сознание внутренний голос. – Ты дал клятву!».

– Клятву дать легче всего, а как её выполнить?

– Ты опять говорил на языке русов, – сбросил с меня остатки сна голос старика Вэя. – Твоими устами говорят ваши боги, доверься им.

– У нас один Бог, старик.

– Так ты христианин, – протянул лекарь. – Слаб ваш Бог, не будет твоему народу удачи.

– И опять ты прав, старик, – согласился я. – Но не Бог тому виной. Не нашлось в моём народе воина подобного Чин-

гисхану. Раздроблены и слабы земли его. Каждый князь желает жить своей волей, и рвут они друг друга за глотки в погоне за властью и богатством. Такая уж судьба у государства Российского, силён он народом своим, да правители долго запрыгают. Не скоро ещё на земле русской родится вождь, способный железной рукой сплотить и повести за собой людей русских.

– То беда любого племени, – вздохнул Вэй. – Мою страну уже не одно столетие терзают орды варваров. Нет единства и у правителей Чжунго. Многочислен наш народ, но даётся на милость победителям. Может быть, в этом и есть его мудрость. Пришлые завоеватели растворяются в его многолюдстве словно песчинки в море.

До самого вечера мы тряслись в своей одноосной повозке. Я воочию убеждался необыкновенной выносливости и мобильности монгольских всадников на марше. Целый день в седле, еда и всё прочее там же. И так изо дня в день. Описывать то, что я видел по дороге, нет смысла. Уныло выглядывающие из-под первого снега камни, да сиротливо пристроившиеся к склонам гор чахлые деревца. С наступлением темноты отряд остановился на отдых. Нам с лекарем выдали по куску рисовой лепёшки и горсти изюма. От таких разносолов слишком не зажируешь. Правда, вина бросили целый бурдюк.

– Как ты думаешь, целитель Вэй, – спросил я китайца, размачивая в вине кусок лепёшки. – Выдаст меня Бату своему

дядьке Угэдэюили нет? Есть смысл присоединиться к его армии?

– Бату уважает умелых воинов. С дядькой он ссориться не станет, не сейчас. Но ведь на свете очень много людей с именами не Аян, не Урус, не Джучи. И живут они неплохо, и Угэдэй-хан им не досаждаёт. Чем нехорошо имя Джамшид или Аргун?

– Пожалуй, пойду я с Бату в Северные земли, – понял я хитрого старика и принял окончательное решение. – Хочу своими глазами посмотреть на дела его.

«А как же патриотизм и любовь к Родине? – съехидничал внутренний голос. – Ты ведь присягу давал».

«Не смейся, – отмахнулся я. – Я не давал присяги князьям русским. Ты что думаешь, что они ягнята? Да они такие же алчные и кровожадные, что и монголы. А судьба их уже историей predetermined. Без этого поражения государство, основанное славянами, не приобретёт очередного опыта и не станет мощной державой».

«А зов крови предков? Неужели ты сможешь убивать своих соотечественников?».

«А зачем мне их убивать? – пожал я плечами. – Убийц и без меня хватит. Да и о крови очень здорово подумать надо. Того ли она цвета?».

– Дело за малым, – усмехнулся я вслух. – Избавиться от пут.

– Слаб и немощен старый Вэй, – зарядил китаец старую

пластинку в ответ на мой вопрошающий взгляд. – Молодые и достойные воины должны своими силами решать вопросы свободы. Удел стариков – помогать им умным советом.

– Я вижу, что монголов ты ненавидишь не меньше моего. Откуда эти страхи? – укоризненно покачал я головой. – Всего и делов-то – чиркнуть кинжалом по верёвкам.

– Ты прав рус, ненависть моя сильна, но ещё сильнее страх. Я столько повидал таких казней, от созерцания которых волосы вставали дыбом. Я стар и хочу умереть своей смертью. – Закончил лекарь разговор.

Я понял, что союзников добыть себе свободу здесь не отыскать, и, отвернувшись к стенке, стал вспоминать всё, что знаю о хане Батые. Мои знания были почерпнуты из яновской трилогии о монгольских завоеваниях и посещениях хабаровской научной библиотеки. Прочитав в восьмидесятых годах начало манускрипта из средних веков, я решил, что следует подготовиться к предстоящему хотя бы теоретически, и стал её абонентом. Очень нехорошо отзывалась наша история об предводителе монгольского ига. Самое главное, что я ничего о нём не знал, как о человеке. Но прозвище Саин-хан «Добродушный» оставляло маленькую лазейку для надежды.

Я знал, что хан Батый никогда не был Великим ханом всех монголов, что он был не в ладах с будущим Великим ханом Гуюком, сыном Угэдэя.

– Послушай Вэй, – повернулся я вновь к старику. – А ты

знаешь имена принцев, что отправятся в поход, и кто всё-таки, чёрт возьми, возглавит набег?

– Во главе войск пойдёт Субедэй-багатур. Нойонами при нём будут два сына Тулуй-хана Мунке и Буджек. От Угэдэй-хана — Гуюк и Кадан. От Чагатая Бури – Байдар. От Джучи Бату – Орда, Шейбан и Танкут. Бату, как старший рода Джучи и хозяин улуса, идёт главным среди царевичей. Также пойдёт с ними брат Угэдэя Кулькан.

– Но почему войсками командует слуга? – удивился я. – Когда там полно наследников Чингизидов?

– Сказать «командует» было бы неверно, – задумавшись над поставленным вопросом, ответил Вэй. – Угэдэй-хан назначил Субедэя на военное командование, а Бату старшим в походе. А если честно, я думаю, что он специально навёл такую путаницу. Разделяй и властвуй. Если в войске нет реального командующего, то не будет и реального победителя. А при возникших склоках, царевичи непременно побегут жаловаться Угэдэю, тем самым подтверждая его власть и теша самолюбие Великого хана.

– А когда начало похода?

– Он уже начался. Войска на марше. Сейчас они скапливаются в Средней Азии у Хорезмского моря. – Спокойно ответил китаец.

Я же промолчал и продолжил воспоминания на тему «Как монголы завоёвывали Русь». Сейчас мне было интересно самому убедиться, так ли это было на самом деле.

«Убедишься, как же, – проснулось моё ехидное второе я. – На колу у Угэдэя как раз и убедишься. Ему будет интересно узнать о своём будущем».

Я не пошёл на поводу у подстрекателя. Действуя по принципу «утро вечера мудренее» повернулся набок и почти сразу уснул.

Мне ничего не приснилось. Проснулся я от злых выкриков и лязганья металла о металл. Такие звуки бывалый воин не спутает ни с чем. Вокруг меня шёл ночной бой. Я ещё не знал, радоваться мне или нет, но сердце бешено застучало от предчувствия скорых перемен.

– Пленника, уводите пленника! – раздался откуда-то из темноты голос темника Учухи.

Но моим стражам было не до этого. Они дрались с двумя нападавшими. Хоть численный перевес был на стороне стражников, но было видно, что воинским умением нападавшие превосходили их в разы.

Огромный воин, словно играя, стремительно сокращал количество охранников. А его невысокий худощавый товарищ схватился с вынырнувшим из темноты Учухой.

– Именем Великого хана, кто вы? – взревел темник. – Напав на нас, вы навлекли на себя гнев Угэдэй-хана!

Но ответом ему был непрекращающийся звон клинков да стоны умирающих. Скрытые за чёрными платками уста неизвестных не издавали не единого звука. Схватка подходила к завершению. Из бывшей охраны на ногах оставалось двое,

да Учуха продолжал биться с худощавым. Силы их были явно равны.

Интересно, кто это решил напасть на конвой, сопровождающий личного врага Угэдэя? Смелые ребята. И вот самый здоровый из этих парней, расправившись с последним охранником, слегка покачиваясь, направился ко мне. Такая походка бывает у моряков и кавалеристов. Но походку этого человека было трудно спутать с какой-либо другой.

– Диландай, брат! – прошептал я расслаблено. – Ты?!

– Узнал, – радостно бубнил он, рассекая кончиком сабли опостылевшие за время вынужденного путешествия путы. – Прости командир, что так долго.

– Потом расскажешь, – оттолкнул я его нетерпеливо. – Учуха пацана совсем загонял, не дай Бог убьёт.

– Да у тебя ж руки ещё не того! – донёсся до меня его запоздалый крик.

Но я уже нёсся как спущенная с тетивы стрела.

«Ещё не хватало, чтобы из-за меня паренька подрезали», – думал я, подхватывая саблю убитого стражника.

– Что, темник, судьба штука переменчивая? – поинтересовался я, вступая в игру клинков.

– Не мешай! – крикнул его противник удивительно звонко-знакомым голосом. – Он мой!

– Какие мы все гордые, – не послушался я его и, воспользовавшись тем, что Учуха пытается отбить саблю мальчика, проткнул темнику брюхо.

– Вроде бы всех положили, госпожа, – произнёс подошедший Диландай.

Я прислушался к ночи, и, действительно, звуки боя стихли. Лишь изредка раздавались вскрики добываемых раненых. И тут до моего сознания стал доходить смысл сказанного Диландаем.

«Луиза? Нет. Откуда она могла здесь взяться? Она ранена.», – заскакали в голове лихорадочные мысли.

– Здравствуй, принц Аян! – произнесла девушка, спуская на шею платок. – Надеюсь, мы вовремя?

– Тань Я! – исчезли последние сомнения при виде рассыпавшихся по кольчуге смоляных волос. – Как же это?

Девушка неуверенно шагнула вперёд и прямо взглянула мне в глаза.

– Помнишь? – спросил её взгляд.

– Я помню всё, но прости, – я не мог смотреть ей в глаза.

– Благодарю своего слугу, – произнесла Тань Я вслух. – Это он примчался в курень моего родителя и сообщил о твоём пленении.

– Зачем ты так рисковала? – слегка поморщился я. – Это очень опасно.

– Ты – отец моей дочери, – просто ответила принцесса. – Если бы погиб в бою, мы бы оплакали тебя как героя. По правде говоря, именно таких вестей я и ждала. Но погибнуть как барану, под ножом палача, отцу моего ребёнка я не позволю.

– Не удалось как герою, – опустил я голову. – Погибли все, кого я любил, а я, как видишь, жив. Не самому же себя...

Краем глаза я отметил, что при словах о гибели близких Диландай закусил ус и потупился. «Значит верно я решил, что Луиза обращалась ко мне с облаков», – утвердился я в своей мысли.

– Как моя жена? – всё-таки спросил я побратима.

– Я уезжал, была жива.

– Как? – воскликнул я невольно.

– Всё равно, что мёртвая, – произнёс он. – Я проводил их с Барони до источника. Она один раз пришла в себя и поведала, что ты жив, но тяжело ранен и попал в плен.

«Иди и спаси его» сказала она и вновь впала в беспамятство. Барони подтвердил, что это возможно, если вы оба в одинаковом состоянии. Ваши души могли встретиться на одном из небес и рассказать друг другу о себе. Ещё добавил, что мне надо идти, а он останется с принцессой до конца.

– А как остальные?

– Дошли все. Сын здоров. – Скупое ответил Диландай.

– Госпожа, все монголы мертвы, – доложил принцессе возникший из темноты воин.

– Ты уверен, что никто не ушёл? – спросила она его.

– Такой гарантии дать не могу, – отвёл взгляд воин. – Темно, моя госпожа, кто-то мог уйти в начале боя, но и это навряд ли.

– Будем надеяться на лучшее, – озабоченно вздохнула

принцесса.

– Их было девяносто восемь человек, – подал голос и я.

– Найти расщелину. Трупы завалить камнями. Добычу, включая лошадей, раздать воинам. – Коротко распорядилась Тань Я. – Первому открывшему рот о том, что здесь произошло – смерть! Не должно быть в живых ни одного свидетеля.

– Постой! – опомнился я. – Со мной ехал старик лекарь. Его убивать не надо.

Я бросился к повозке. Лекарь Вэй сидел с широко открытыми глазами и бессмысленно смотрел в ночь, которая грустно покрывала брызгами предрассветной росы всё вокруг. Грудь старика была залита вытекшей из разрезанного горла кровью. Старик должно быть чувствовал, что с моим освобождением наступит его последний час. И именно поэтому так противился моей свободе.

– Он меня лечил, – сказал я подошедшей принцессе.

– Не вини себя, мой принц, – произнесла девушка. – Вся наша жизнь – это потери и приобретения. Ты потерял своего спасителя, взамен приобрёл свободу и жизнь.

– В последнее время все, к кому я успеваю привязаться, умирают.

– Это был твой выбор. Помнишь, я тебе говорила, что у чжурчжэней нет будущего?

– Я знал об этом, – вздохнул я.

– Значит, делая свой выбор, ты должен был подготовиться к последствиям. Ты – воин, – нахмурилась принцесса.

– Я знал, – повторил я скупно. – Что-что, а терять я научился.

– У меня есть хорошее средство от грусти, – усмехнулась Тань Я, протягивая мне фляжку. – Держи и прогони свои переживания.

Наступило утро. Каркали почуявшие наживу вороны. Но на этот раз им ничего не досталось. Трупы снесли к глубокой расщелине и сбросили вниз. А сверху завалили камнями.

– Что делать с телами наших погибших? – спросил подскакавший воин.

– Сколько?

– Шестнадцать человек.

– Забираем с собой, – приказала принцесса и поинтересовалась о численности погибшего врага.

– Девяносто девять человек, – доложил воин.

– Ни один не ушёл, — уважительно покачал я головой.

– Почему без меня? – подошедший Диландай кивнул на фляжку с вином.

Я молча протянул ему флягу.

– Командир, я тебя не узнаю, – бодро усмехнулся он. – Мы живы, и это главное. Вольный ветер, конь под седлом... что ещё надо воину для счастья?

И в самом деле стал другим. Смогу ли быть прежним Женькой-Урусом? События последних лет, а особенно последних месяцев, здорово выбили меня из колеи. Я не мог поверить, что больше никогда не увижу улыбку своей Луи-

зы. Я не понимал, почему время заперло меня именно в этом столетии.

– Твой господин болен, – произнесла Тань Я. – Время и тишина излечат его от ран и тоски. Я прикажу воинам направить лошадей в курень моего отца.

Мой конь осторожно ступал по камням между лошадьми Тань Я и Диландая. Мы ушли от главных дорог и пробирались на родину принцессы.

– Я не требую от тебя делить со мной постель, – говорила принцесса, глядя в сторону. – Но в улусе отца ты должен называть меня своей женой. Он знает, кто отец моей Юлдуз. Иначе род тебя не примет.

– А он знает, что я воевал на стороне чжурчжэней?

– Знает, но это не важно, – усмехнулась девушка. – Уйгуры когда-то тоже воевали с монголами.

– Я согласен, чтобы принцесса Тань Я называла меня своим мужем, – ответил я совершенно спокойно. – Я согласен назвать её дочь Юлдуз своей.

Я не видел, как во взгляде девушки проскользнули радостные восторги. Но по тому, как резво скакнул вперёд её жеребец, мне стали понятны чувства хозяйки.

– Дела начинаются! – радостно засмеялся Диландай. – За это надо выпить, командир!

– А имя моё будет Аргун, – произнёс я, вспомнив старика Вэя.

– Ар-р-гун, – словно пробуя на вкус раскатистые соглас-

ные, протянула Тань Я. – А что, мне нравится! Я знаю, что это имя, как и прежние, покроют его хозяина вечной славой.

– А за славой мы отправимся в поход вместе с ханом Бату, – подвёл я итог.

Глава 4.

УЙГУРЫ

– Вижу, что багатур! – снизу вверх глянул на меня отец Тань Я, князь Хайдэ. – Молодец, что остался живым. Слышал о тебе много хорошего. Дстойный и отважный воин.

Я рад, что твоя кровь влилась в мой род. Жаль, что первой родилась внучка, но надеюсь на ваши старания. Вы должны подарить мне наследника рода. – На одном дыхании выложил он всё, что обо мне думал.

Я взглянул на внешне невозмутимую Тань Я и усмехнулся.

– Мы постараемся, дада. – смуглая шея принцессы стала ещё темнее.

Ещё бы! Называя князя отцом, я иносказательно объяснял ей в своих чувствах и подтверждал обязательства мужа и отца.

– Понимаю, что не мог навестить молодую мать и дочь раньше, – продолжал похлопывать меня по плечу князь. – Нет в том твоей вины, не тарасун с монголами пил. Другие пиры устраивал.

Я скромно улыбался и кивал. Что-то рассказывать о себе не имело смысла. Во-первых, князь Хайдэ знал обо мне гораздо больше, чем я сам. Во-вторых, вставить хоть пару слов в его монолог было совершенно невозможно.

– Когда дочь поведала о том, кто отец её ребёнка, мы сначала немного погрустили, но затем обрадовались, – продолжал князь. – Иметь зятем такого могучего воина – это честь. Пусть он и враг твоего господина. А когда проезжий куйчи¹ поведал об осаде крепости и твоей победе в поединке с сыном Угэдэя Кучу, мы поняли, что о твоих подвигах слагали песни не только чжурчжэнские куйчи, но начали петь и монгольские.

– Отец, – прервала разговорчивого тестя Тань Я. – Муж мой ранен и устал от тягот пути. Позволь ему с дороги умыться и вкусить пищу нашего стола.

– Твоя кормилица приготовила отличный часуйму², она взбодрит уставшего гостя, – произнесла молчавшая до сих пор женщина, вышедшая вместе с князем. – А плов и варёная голова барана давно ожидают голодных путников.

– Это мать Тань Я и моя жена Айгуль-Орзэ, – представил спутницу Хайдэ.

– Я чего-то не понимаю, – обратился я к принцессе после сытного обеда. – Я враг монголов, а твой отец их союзник. Почему он не выдаст меня Угэдэю?

– Во-первых, ты отец его внучки, – улыбнулась Тань Я. Её глаза сияли таким же юношеским задором, как и несколько лет назад, когда мы ехали забирать из плена Луизу.

– А во-вторых?

---

¹ куйчи – певец, сказитель.

² часуйма – напиток уйгуров, чай с молоком солью и маслом.

– Во-вторых, наш Комульский оазис принадлежит улусу Чагатаеву и граничит с землями Угэдэя. Он не единожды пытался завладеть этим лакомым куском. Брат отца, хан Кочо, не раз отгонял от своих границ угэдэевских пастухов и нукеров. Так что у нас есть причины уважать тебя, как врага Угэдэя.

Я вспомнил, что эти разногласия обострятся до такой степени, что через двадцать лет царь Кочо вынужден будет навсегда переселиться в Ганьсу.

– А я полагал, что среди чингисхановых отпрысков царит мир и покой, – усмехнулся я.

– Такой мир, что дай им волю, они бы уже сейчас вцепились друг другу в глотки, – ответила принцесса.

– А что ты думаешь о Бату?

– Внук достоин своего деда.

– А почему не сын отца?

– Джучи был другим, не таким как его братья. Он с неохотой ходил в походы и был против излишней жестокости. А сын его живёт битвами и походами. Чингисхан Бату любил. Поэтому после смерти Джучи назначил его правопреемником власти во всём улусе. А произошло это так.

И тут я услышал удивительную историю прихода Батыея к власти в джучиевом улусе. Бату был вторым сыном Джучи рождённым от Уки-хатун, дочери нойона Елши. Поэтому власть должна была достаться его старшему брату Орда-Ежену, сыну старшей жены Сартак-хатун.

После похорон отца между братьями разгорелся спор о том, кому занимать его место. Оба отказались от власти (очень редкий случай в истории). Чингисхан узнал об этом и призвал внуков к себе.

– Почему ты не желаешь принять власть, положенную тебе по праву рождения? – спросил он Орду-Ежена.

Старший из братьев склонил голову и ответил:

– Действительно, Великий хан, я старше Бату годами и мать моя была старшей женой отца моего. Отец очень любил Бату и постоянно его баловал, поэтому брат мой слушался только его. Думаю, что, став ханом, не смогу обуздать норов Бату. По этой причине между нами могут возникнуть непонимание и вражда. Не хочу я быть врагом своему брату и смогу смириться и подчиниться его величию, когда он станет ханом.

– Как ты похож на своего отца, – смахнул набежавшую слезинку Чингисхан. Он ещё был под впечатлением похорон старшего сына и чувствовал себя виноватым в том, что заподозрил его в измене. – Он тоже не желал власти и отказался от ханства в пользу своих младших братьев.

Чингисхан задумчиво посмотрел на Бату и улыбнулся.

– Ну, а ты почему не желаешь взять на себя груз власти?

– Я младший сын, Великий хан, – произнёс Бату. – Не пристало мне переходить дорогу старшему. Вместо отца он мне отныне.

– Ваши слова не противоречат ясе, – задумался хан. – Не

могу я сам решить этот вопрос. Как скажут мудрейшие, так и будет.

На следующее утро Чингисхан объявил, что левое крыло улуса на реке Сырдарье он отдаёт старшему внуку, а правое по реке Яик – младшему. Войско также делится на две части, но старшим ханом всего улуса становится Бату.

– А почему Бату-хана прозвали добродушным? – спросил я.

– Слово Саин-хан имеет несколько значений, – поправила меня принцесса. – Одно из них доблестный.

– Как ты думаешь, стоит нам идти в его войско?

– Я уже иду, – призналась Тань Я. – Гонцы привезли указ о мобилизации в войско Бату по два воина от десятка.

– Я иду с тобой!

– В каком качестве?

– Телохранителя.

– По званию ли великому принцу Аяну быть телохранителем у бедной девушки? – глаза Тань Я хитро сверкнули.

– Не за ордена воюем, – скромно ответил я. – Да и девушка не такая уж бедная. Принцесса как-никак. Племянница короля Кочо. А я всего-навсего безродный телохранитель Аргун.

– А с племенем своим биться будет не тягостно? – вопросительно прищурилась принцесса.

– Поэтому и иду в телохранители, – ответил я. – За тебя любому глотку порву, а ты меня лишний раз к душегубству

напрасному не допустишь.

– Хитёр. Всё продумал! – рассмеялась девушка.

Словно бы опомнившись и застеснявшись своего веселья, мы отвели взгляды в разные стороны и смущённо замолчали.

– Расскажи мне о Бату-хане что-нибудь ещё, – попросил я Тань Я, чтобы нарушить неловкое молчание.

– Знаю я о нём немного, хотя в детстве мы играли в одни игры, – задумчиво произнесла девушка. – Его за то-то очень любил Чингисхан. Не зря ведь в восемнадцатилетнем возрасте Бату стал ханом джучиева улуса. Мне кажется, что Угэдэй его опасался и поэтому всё время держал при себе. В отличие от своих братьев Гуюка и Мунке, Бату не командовал большими сражениями в чжурчжэньских походах. Он всегда был при ставке Великого хана. Угэдэй доверял своему племяннику, но боялся, что слава его побед затмит славу побед его сына.

А после первого курултая Бату-хана отправили в свой улус близь Итиля – готовить поход в полуночные страны. Его постарались отодвинуть в сторону от итогов цзиньских, корёсовских и чжунговских побед. Поэтому сейчас Бату полон желания доказать всему миру, что он достойный отпрыск знаменитого деда. И если верить чутью Чингисхана, то этот парень далеко пойдёт. Но наставником и военным полководцем похода назначен Субедэй.

Я слушал Тань Я, и политическая обстановка внутри семейства Борджигинов постепенно прояснялась. Не всё так

просто в королевстве датском. Угэдэй боится, что после его смерти трон займут не его потомки. Теперь всё становилось на свои места. Теперь понятно, почему он побоялся ставить во главе похода Бату, назначив ему непонятную роль генерала без права единоначалия.

В нашей истории нападение монголов на Русь называют «Батыево нашествие». Почему такое расхождение? Видимо в этом вопросе придётся разбираться самому.

Ночь выдалась светлая. Не спалось. Звёзды заглядывали в окно. Тусклые лунные зайчики неспеша ползли по стенам и коврам. Мысли мои разбежались в разные стороны. Думалось ни о чём и обо всём сразу.

– Неужели за это время я стала такой неприятной, что тебе противно со мной возлечь? – слышался из-под козьей шкуры не обиженный, а какой-то задумчивый голос княжны.

«Эх, доля наша подневольная, – как-то не слишком тоскливо вздохнул мой внутренний визави. – Всё не по своей воле».

А ноги уже несли меня к девичьему голосу и козьему одеялу, которое этот голос слегка приглушало. Навстречу мне тянулись смуглые обнажённые руки. Очередная заглянувшая в окошко звезда высветила отброшенное прочь одеяло и два упругих полукружия прекрасной груди. То, что раны ещё недостаточно зажили для подобных занятий, я понял лишь тогда, когда, покорённые неодолимой силой любви, мы лежали, вольно разбросав руки и ноги.

– Люблю! – приникла горячими губами к моей шее Тань Я. – Тебя не было, приставали. Хотела мужчину, но гнала всех прочь. Детей хочу только от тебя. – Бессвязно шептала она, положив голову мне на грудь.

А я смотрел на падающие за окном звёзды. Если бы они действительно могли исполнять желания, что бы я загадал?

– На полуночные страны! Великий хан Угэдэй объявляет великий западный поход! – разбудили меня крики, доносившиеся из-за стен дворца как-то поутру.

«Началось! – подумал я возбуждённо и поймал себя на мысли, что слишком живо реагирую на предстоящие события. – Ты стал настоящим представителем средневекового общества. – Грустно констатировал я очевидное, но попытался оправдать своё поведение затянувшейся курортной жизнью.»

– Началось! – сладко потянулась сжавшаяся в комочек рядом со мной Тань Я.

«Даже мысли сходятся, – нерадостно усмехнулся я, а на душе заскребли кошки. – Ну и сволочь же ты, Женька, действительно варваром стал! Султан недоделанный, чёрт тебя побери!».

«Не о том думаешь, – вмешался в мои мысли внутренний голос. – Кого нам любить и кого ненавидеть, то дело житейское. А вот как вы попадёте в войско Батыея, если их улус принадлежит Чагатаю?».

Действительно, как? Я тут же озвучил свои сомнения.

– У меня золотая пайцза Чингисхана. Я командую тысячей воинов и в моей воле решать с кем мне идти. – Потёрлась о моё плечо Тань Я. – Гонец, посланный к Бату, ещё месяц назад привёз согласие хана на то, чтобы моя тысяча присоединилась к его нукерам.

– И где это произойдёт?

– Мы должны их нагнать у реки Яик. Основные войска пойдут из Туркестана. Бату с братьями и сыновья Угэдэя, Чагатая и Толуя встретятся там же.

– А как же Сыгнак? – вспомнил я трилогию писателя Яна. Из его романа я знал, что этот город в Средней Азии послужил местом сбора монгольских туменов.

– А что Сыгнак? – вопрошающе блеснула глазами принцесса, положив подбородок на мою грудь.

«И что скажешь? – ехидно ухмыльнулся внутренний голос. – Откуда ты знаешь про Сыгнак?».

– Да что-то такое слышал, – промямлил яи, бодро выскочив из-под одеяла, крикнул. – Рота, подъём!

– Ты спешишь? – соблазнительно сверкнула зубами девушка, даже не пытаясь вернуть на место откинутый мною угол одеяла.

«Ну, нет, – попытался я отвести глаза. – Нас этим не возьмёшь».

– Что ты за полководец! – после очередной гонки за счастьем попытался я свалить вину за свою слабость на хрупкие женские плечи. – Надо войско готовить, а ты в постели

валяешься.

– Мои люди знают, что им следует делать, – промурлыкала искусительница.

– В отличие от некоторых, им няньки не нужны.

– Почему именно Яик? – поспешил я перевести тему разговора.

– Дальше кипчаки и Булгария. С них и начинается великий поход.

Ну конечно же! Субедэй, как и его бывший предводитель Чингисхан, ничего не прощал. Он не мог забыть половцам (то бишь кипчакам) предательства 1223 года и свой не очень впечатляющий поход 1229 года. Так что теперь их участь предрешена.

За время пребывания в средних веках я смог убедиться, что очень многие поступки великих в нашем понимании людей основывались на обычных человеческих страстях и амбициях, а не на далекоидущих планах. Это мы навывдумывали себе кумиров, приписав им все мыслимые и немыслимые качества. А всё обстояло гораздо проще: Вася поступил так, потому что Федя назвал его нехорошим словом. Или, Стёпа хотел Машу, а она Севу. Стёпа набирает кодлу от мороженых ребят и идёт бить Севу. Все мы люди, все мы человеки. Может быть, через сотни лет и о нас наболтают что-нибудь подобное. А мы – вот они. Просто живём и не думаем о глобальных последствиях своих поступков.

– Яиктак Яик, – окончательно свернул я с опасной темы и

вспомнил, что название этой реки знакомо мне по историям о казачьей вольнице, что наступит там несколько веков спустя. А в начале XX века её не сможет переплыть смертельно раненый Василий Иванович Чапай. Но тогда она уже будет называться Урал.

Меж тем шум снаружи усиливался. Кричали женщины, весело переговаривались воины, плакали дети и лаяли собаки.

– Поход, великий поход! – не сходило с уст участников переполоха.

– Добыча, рабы, женщины! – заранее радовались предстоящим трофеям счастливчики, которым выпал жребий попасть в число двух от десяти воинов улуса. Они не думали о том, что кое-кто останется гнить в чужих землях, а кто-то вернётся домой немощным калекой.

– Ты-то чего скалишься, морда кривая! – уперев руки в бока, напутствовала подвыпившего муженька рослая женщина. – Кто-то из набегов в дом рабов да скотину ведёт, а этот болячки да напасти. Опять какую-нибудь заразу притащишь? Так и знай на порог не пушу!

Добытчик глупо улыбался и то и дело поддёргивал выскальзывающую из-за пояса саблю. Спорить с вздорной бабой он явно не решался.

Даже Диландай, забыв о том, что поход предстоит на мою Родину, встретил нас радостным возгласом:

– Ну что, командир, дождались!

И тут я задумался о том, а где моя Родина на самом деле. Родился я на Дальнем Востоке в Амурской области. По нынешним временам это территория Монголии. А Русь средневековая это два ногтя на карте. Даже Волга с Доном и те под половцами и булгарами. Марийцы и удмурты живут обособленно. Ни Урала, ни Сибири, а тем более Дальнего Востока.

– Господи-ин! – вернул меня на землю голос товарища. – Кончился, говорю, наш отдых?

– Собираемся, – махнул я рукой, окончательно отбрасывая муки совести. – На этот раз мы пойдём не с обречёнными, а с победителями.

Диландай никак не отреагировал на мою реплику, а лишь добродушно ухмыльнулся. Он давно привык к моим странным высказываниям.

Я догадывался, что кукловоды из непонятного мира не зря не выпускают меня из средних веков. Я им для чего-то нужен. И пока я не выполню свою миссию, путь в своё время мне заказан. Что же от меня требуется? Интересно, а могу ли я поставить им условие? И мне показалось, что могу. «Луиза! – само по себе вспыхнуло в сознании. – Она здесь ни причём. Оставьте ей жизнь, и я пойду хоть в пасть дракона!».

И сознание удовлетворённо отметило, что ставки сделаны и кем надо приняты.

«Смотрите!» – пригрозил я неизвестно кому, не думая о том, что в данном случае угрозы звучат смешно.

Уйгуры были верными соратниками Чингисхана. В 1207

году они по доброй воле пришли под его руку. С тех пор бунчуки на уйгурских копьях участвовали во всех походах монголов. И к описываемому мной времени они были равными среди равных во всём монгольском войске.

Немного отступая от темы, хочу сказать, что уйгуры – великий народ. Его история уходит в прошлое на многие века. Первый раз письменные источники сообщили о них в начале первого тысячелетия, хотя упоминаются они гораздо раньше. Они строили свои государства. Их воины уходили в поход вместе с гуннами Аттилы. А через несколько веков они вернулись, называя себя хазарами, и стали бичём божьим для Византии и славян. Они были солнцепоклонниками хунну, а затем перепробовали манихейство, христианство, буддизм и, наконец, остановились на мусульманстве. У них была своя письменность, культура и осёдлая городская жизнь.

– Я вижу, ты не очень рад, – вывел меня из задумчивости голос неунывающего Диландая. – Не желаешь против своих сородичей идти?

– Вы что, сговорились что ли? – не выдержал я. – То принцесса, то ты! Ты бы лучше с ней помирился, а в своих делах как-нибудь сам разберусь.

– Не выйдет, она меня боится.

– С чего бы это? – ответ куина меня слегка озадачил.

– Потому что я твой брат, – хмыкнул Диландай.

– И что с того?

– По закону уйгуров, если муж погибает, то на вдове дол-

жен жениться брат погибшего, – ответил куин. – Вот принцесса и переживает, что попадёт в мои железные руки. А у меня не забалуешь.

От неожиданности я расхохотался. А Диландай продолжил:

– Понимает девчонка, что я спуску не дам, вот и нервничает.

– О Аллах, до чего же ты мне надоел! – раздалось за спиной. – Ты не станешь моим мужем даже если низвергнутся небеса!

Услышав голос Тань Я, Диландай вжал голову в плечи и, совершив головокружительный прыжок, прямо с крыльца вскочил в седло своего жеребца.

– И-э-э! – всхрапнул от неожиданности жеребец и присел на задние ноги.

– Поеду, посмотрю, как там наши лошади! – крикнул куин как ни в чём не бывало, давая понять, что он отлучается по важным делам, а не сбегает от гнева принцессы.

В отличие от монголов уйгурские сотни шли обременённые провиантом.

– Я не хочу, чтобы мои воины голодали, – сказала принцесса, отдавая приказ снарядить дополнительных выючных лошадей.

– Это не задержит вас в пути? – озаботился князь Хайдэ.

– Розыск пропитания займёт гораздо больше времени, да и лишние лошади нам не помешают, – уверенно ответила де-

вушка. – Бату приказывает, чтобы мы поторапливались. Перебежчики доносят, что хан Алтынбек собрал большое войско и готовится дать сражение на берегах Яика.

– Насколько большое? – поинтересовался я.

– Больше нашего. Авот насколько – посчитаем их трупы, когда перебьём, – задорно тряхнула чёлкой Тань Я.

Перед походом она укоротила свою причёску наподобие каре модниц из XX века и теперь стала похожа на молоденького смазливового мальчика.

С родными прощались сдержанно. Такая уж суровая работа досталась воину, а слёзы в дорогу – преждевременная смерть.

– Берегите дочь, – отводя глаза в сторону, произнесла Тань Я.

Я же неловко топтался у неё за спиной. Мне было стыдно за то, что я не испытывал никаких отцовских чувств. Я смотрел на маленький, лупающий глазами комочек и ничего не ощущал.

Тань Я поцеловала девочку и передала мне. Я осторожно поднёс её к лицу и заглянул в глаза. Мне показалось, что девочка снисходительно усмехается.

– Не тушуйся, папаша! – говорил её вполне осмысленный взгляд.

– Вся в маму, – покачал я уважительно головой. – Красавица.

– Страшно? – усмехнулась Тань Я, когда последние стро-

ения скрылись за поднятой отрядом пылью.

– Ты о чём? – состроил я невинное лицо.

– Видел бы ты своё лицо, когда держал Юлдуз. «Вся в маму». – Передразнила она меня противным голосом.

Глава 5.

ЗНАКОМСТВО С СИЛЬНЫМИ МИРА СЕГО

Как мы ни спешили, всё равно немного опоздали. Войска противников несколько дней назад вышли на исходные позиции и в ожидании битвы замерли. Они приглядывались друг к другу уже третьи сутки. Виной такой медлительности стал дождь. Никто из полководцев не решался нападать первым без поддержки лучников. В дождь тетива луков размокала и грозное оружие превращалось в обычные рогатки для стрельбы по воробьям.

Поле битвы стало место, где речка Илек впадала в Яик. Алтынбек расположил свой лагерь в междуречье.

– Братья, позади нас Великая Булгария, впереди дикая орда потомков Чингисхана. Отступить некуда, – сказал он так же, как скажет через несколько веков уже на другой войне замполит Клочков. – Лучше смерть в бою, чем доля презренного раба. Мы умеем бить врага. Монголам досталось от нас в 1223 и 1229 годах. Пёс Чингисхана Субедэй уполз отсюда хромой, а Батый со стрелой в спине. В этот раз мы не выпустим никого.

– Смерть врагам! Веди нас вперёд, доблестный Алтынбек! – разразилось криками многотысячное войско.

Булгары были готовы победить или погибнуть, но монголов на свои земли не пустить.

– Вам стоять в резерве! – приказал Батый, когда Тань Я прибыла в его ставку. – Повезло вам, что Небеса заранее стали оплакивать болгарских воинов. Иначе осталась бы ты без славы.

– Мы спешили, как могли, Бату, – виновато склонила голову принцесса. – Эти потоки слёз задержали и нас.

– Отдыхайте, – махнул рукой хан, а я поймал на себе его цепкий взгляд. – Воин должен идти в бой со свежими силами. – Усмехнулся Батый, а я понял, что парень не так-то прост и себе на уме.

Дождь лил ещё четверо суток. Утро пятого дня спрятало свой лик за плотным туманом, что напелзал на войска с рек и болот.

Батый не стал упускать такого подарка небес и под прикрытием тумана вывел войска на исходные позиции. Скрываясь за мутными клочьями вязкой сырости, Батый со своими туменами форсировал Илек и вышел в лоб неприятелю.

Мы знали, что армия Алтынбека вдвое превосходит монгольские силы. Половина батыевой армии была ещё на марше. Монголы не учли, что воевать летом в этих местах рискованно. Дожди и грязное бездорожье ломает самые великие замыслы. А реки разливаются так, что без флота какие-либо действия просто невозможны. Но, по-видимому, Алтынбек об этом не ведал. В отличие от монгольской, разведка болгар

работала из рук вон плохо.

– Идёшь с туменом темника Бурундая! – приказал Батый Тань Я накануне вечером. – Вам предстоит непростое дело – выйти в тыл Алтынбека.

Задача была действительно сложной. Войска болгар расположились на месте современного райцентра Оренбургской области города Илек. За их спинами гнал свои волны быстрый в течении Яик.

– Дабы не оглядывались в пылу сечи мои воины на стоящие у берега лодьи, повелеваю увести флот в верхнее течение, – распорядился Алтынбек, едва нога последнего защитника ступила на берег. Таким образом, он давал понять армии, что отступления не будет.

– Хан болгар сражается на нашей стороне реки, – прокомментировал донесение разведки Субедэй. – Его нукеры останутся на этих берегах навеки.

– Их в два раза больше, – озабоченно свёл брови Батый.

– Тем громче будет победа. Армии врага уничтожают в чистом поле, а за укрытиями крепостных стен их просто добивают. Ни одни стены не спасли обречённых от ярости наших нукеров, какой бы высоты они ни были. – Хмыкнул в ответ старик.

– Ты как всегда прав, учитель, – усмехнулся хан. – Если воины Алтынбека останутся лежать здесь, то падение их городов дело недалёкого будущего.

– Здесь вся их армия, другой не будет, – добавил старый

полководец.

– Дело за малым— мы должны победить! – Батый пристукнул кулаком по колену и огляделся по сторонам.

Лица его полководцев сохраняли полную невозмутимость. «Прикажешь умереть прямо здесь, умрём», – говорили их взгляды. И хан этому верил. Слишком много сражений было за плечами. Слишком много чужой крови пролили эти руки, чтобы жалеть свою.

Темник Бурундай был парнем неразговорчивым и угрюмым. Под серебристыми доспехами работы чжурчжэньских кузнецов скрывался мощный торс борца.

Наше прибытие под своё начало он никак не прокомментировал.

Исподлобья взглянув на Тань Я, Бурундай приказал:

– Идёте рядом со мной. За шум и разговоры смерть на месте. Выходим к полуночи.

– Из наших, – толкнул меня локтем Диландай, когда мы вышли из кибитки.

– Из каких это ваших? – улыбнулся я.

– Он же куин! – удивился Диландай моей непонятливости. – Вот где довелось земляка встретить.

– У него что, на лбу написано? – фыркнул я.

– Твой слуга прав, – в кои-то веки согласилась с ним Тань Я. – Бурундай ещё ребёнком был подарен Субедэю морским народом. Тот разглядел в нём способности и воспитал его верным псом Борджигинов.

«Бурундай, Бурундай, – подумал я. – Где-то я уже это имя слышал». Но как я ни пытался напрячь память, вспомнить ничего не смог. Вместо этого она настырно подбрасывала воспоминания двухдневной давности. Тот день выдался на редкость богатым событиями.

– Идём послами, – сообщила нам принцесса, выходя из потайной комнаты Батыя.

Туда её привели по велению хана для тайной беседы. Нас же оставили стоять истуканами посередине шатра под прицелом прищуренных глаз кешиктенов и их копий. Не скрою, что пока длились полчаса аудиенции, я несколько раз был готов ворваться в апартаменты Батыя и разнести там всё к чёртовой матери.

– Когда? – спросил я её взглядом.

– После утренней стражи.

Оказалось, что Батый за опоздание назначил ей испытание. Но мне думается, что дожди навеяли на молодого хана тоску и, чтобы как-то развлечься, он направил девушку на верную смерть. А смерть была неминуемой. То, что предлагал передать Батый, не прощалось гордыми средневековцами.

– Мы должны предложить им сдаться и стать данниками Орды. Кроме того, Алтынбек обязан отдать на ложе Бату своих жену и дочь.

– Всего-то! – присвистнул Диландай.

– Условия невыполнимые, – произнёс я. – Это у азиатов

ради спокойствия отдавали на поругание врагу своих жён и дочерей. Здесь такие вещи не проходят. И чем это ты так не угодила хану?

– Ну почему же не угодила, – грустно усмехнулась девушка. – Наоборот, мне оказана великая честь быть послем перед первым сражением в этой войне.

Я понял, что дальнейшие расспросы ни к чему.

Нудный морозящий дождь насквозь промочил одежду. За его мутной стеной с трудом просматривались ближайшие кусты. Вода скатывалась по смазанному бараньим жиром панцирю и обильно впитывалась в неприкрытую металлом ткань.

– Какого водяного Бога мы прогневали? – чертыхался недовольный Диландай. – Если болгары не захотят нас отпустить, то никакая бронь не поможет.

– Не ной! – отмахнулся я, пристально поглядывая по сторонам. – Нас ещё не хоронят.

– Вот, вот, – подхватил куин. – Перед смертушкой хочется вольным телом потянуться, а не чесаться как прокажённый под прелым халатом.

– Не на часуйму идёшь, раб. Попридержи язык! – оборвала его причитания принцесса.

– Послы от Великого хана Бату к хану Алтынбе-ку! – прокричал где-то впереди глашатай, и мы остановились.

«Вот отсюда мы точно не выберемся», – попытался проснуться внутренний голос. Но я не дал ему воли, а стал

разглядывать подъехавших болгар. Ничего особенного в них не было – нахохлившиеся словно мокрые курицы мужики.

Они с нарочитым высокомерием оглядели нас и, расступившись в стороны, пропустили вперёд командира.

– Чего хотели? – неприятно спросил он.

– То я скажу вашему хану! – звонким от волнения голосом произнесла Тань Я.

– Что у Батыкбея воевать некому? – ухмыльнулся болгарин. – Мальчишку сопливого на переговоры отправили. Смелее никого не нашлось?

– Веди к господину, раб! А кто воевать будет, то без тебя решат, – гордо произнесла девушка. – А твои слова насчёт сопливого юнца я вобью тебе в глотку на поле брани. И чтобы они более не поганили слух окружающих, приколю их там копьём.

– Вот даёт молодой... – слышались голоса воинов. – Видать из ханских сродственников, ить как дерзко поглядывает.

Примерно через час мы стояли перед Алтынбеком и его командирами.

– Что привело хана Батыкбея к границам моего государства? – спросил Алтынбек, пытаясь сдержать выплёскивающийся наружу гнев.

Не сомневаясь, что принцесса резанёт правду-матку я замер и непроизвольно попытался нащупать ладонью рукоять катаны. Но за поясом было пусто. Перед входом в шатёр те-

лохранители нас обыскали и обезоружили.

– Мой повелитель хан Бату пришёл с вас, неразумных, взять дань и определить ваши земли под свою руку, – слегка подрагивающим голосом произнесла Тань Я.

Дальше она говорить просто не могла. По шатру промчался вихрь разъярённых голосов.

– Что это, братья! О чём он говорит? – раздавалось ото всюду. – Смерть им! Содрать с них шкуру!

– Тихо! – немного переждав, рыкнул Алтын-бек и, повернувшись к принцессе, ласково спросил. – Я подозреваю, что это не все требования Батыкбея. Иначе зачем ему было собирать так много народа и идти к нам в гости.

– Ещё мой повелитель приказывает своему даннику Алтынбеку доставить на ханское ложе свою дочь Алтынчеч-Златовласую. А в последствии и жену Фатиму. Хан желает породниться со своим подданным. – заканчивала Тань Я при гробовом молчании.

Лицо Алтынбека пошло красными пятнами, а вена на его шее вздулась и задёргалась.

«Ой, что сейчас начнётся! – заохал внутренний голос. – Что эта девчонка творит!».

«Замолчи», – устало буркнул я и огляделся по сторонам, примериваясь подороже отдать свою жизнь.

– Они не хотят ни о чём договариваться, отец! – раздался женский голос, и из-за широких спин выступила девушка. – Они пришли нас просто унижить и втоптать в грязь. Но мы

не должны уподобляться диким варварам и отвечать злобой на их выходку. Поле нас рассудит, а Аллах не даст в обиду своих детей.

Дочь Алтынбека была действительно златовлаской. Пшеничные с рыжим отливом косички, заплетённые на азиатский манер, негодующе скакали по её плечам, когда она в такт своим словам встряхивала головой.

Я даже не стал задумываться, откуда у дочери мусульманского правителя русоволосая дочь. Кругом славяне, мало ли откуда!

– А тебе, мальчик, я скажу одно. Специально послал тебя на смерть твой хозяин. Убьют послов булгары и в веках опозорят себя воровски пролитой кровью. Подневольный ты человек и говоришь с чужих речей, поэтому иди с миром. Никогда не войду я наложницей в шатёр Бату-хана, жив ещё муж мой доблестный бахутур Буртас.

– Каков будет твой ответ, хан? – проигнорировав речь Алтынчеч, спросила Тань Я.

– Дочь моя его уже дала. Мы станем биться, – угрюмым голосом произнёс царь булгаров.

– Давно ли у вас на воинских советах решают бабы? – желчно поинтересовалась принцесса.

– Не зарывайся, душа моя, – прошептал я ей еле слышно. – Поехали ужедомой, пока нас отпускают.

– С тех самых пор как к ним баб послами направляют, – насмешливо парировала Алтынчеч.

– Баба! – пронёсся по шатру удивлённый шёпот. – Монголы послом прислали бабу.

«Умненькая девочка, вмиг принцессу вычислила, – совсем по-другому взглянул я на дочь болгарского царя. – Не с неё ли придумывали сказку о Василисе Премудрой?».

– Как звать тебя, кусака? – вновь улыбнулась Алтынчеч.

– Я уйгурская принцесса Тань Я, – гордо откинула голову девушка. – Я могу ответить за каждое слово, сказанное мною от имени хана.

– Проводите их за сторожевые посты, – махнул рукой Алтынбек. – Как начнём ратиться, так и узнаем, кто за что ответит.

Встречал нас сам Бату-хан.

– Странно, – не стал он скрывать своего удивления. – Всё ли ты передала как я велел?

– Я сама удивлена, – грустно усмехнулась Тань Я. Было видно, что слова Алтынчеч запали ей в душу.

– Как же они вас отпустили?

– Она, – всё также грустно произнесла девушка.

– Она? Ты говоришь загадками, – голос хана стал немного раздражённым.

– Дочь Алтынбека, мой хан, – встрепенулась принцесса и рассказала ему в лицах всё про встречу с булгарами.

– И они вас отпустили, – вновь покачал головой хан.

– А ты бы хотел, чтобы было иначе! – не выдержал я.

От неожиданности вздрогнула не только Тань Я, но и Ба-

тый.

– Это кто? – Посмотрел он на меня неприязненным взглядом.

– Она за тебя головой рисковала, а ты при ней сожалешь, что её не убили. Скромнее надо быть! – выговорился я и умолк.

«Вот так всегда, – вздохнул я с сожалением. – Сначала меня куда-то несёт, а потом начинаются проблемы».

– Что же ты, принцесса, своему нукеру такую волю дала? – поигрывая рукоятью камчи, украшенной кусочками разноцветной кожи, скривил губы хан.

– Прости моего верного пса, о сын Неба. Его вина состоит лишь в том, что он слишком ревностно служит своей хозяйке. Но ведь и твой дед, великий Чингисхан, ставил верность на одно из первых мест среди достоинств воина. – Принцесса почтительно прижала к левой груди правую руку и скромно добавила: – Ибо, как любой верный пёс, мой слуга не подпустит к своей хозяйке ни врага, ни друга.

– Хм! – усмехнулся Бату, решив свести всё к шутке. – Не очень-то он похож на глупого пса, тупо кидающегося на обидчиков своей хозяйки. Скорее всего, он похож на волкодава.

– Он – моя тень, – просто ответила девушка. – При нём мне никто не опасен. Когда надо он нем, словно рыба, а когда следует, он стремителен, словно спущенная с тетивы стрела.

Батый всё понял и небрежно взмахнул камчой. Направ-

ленные в мою грудь копыта опустились наконечниками вниз. Но кажущееся благодушие было мнимым. Ребята из охраны Батыя своё дело знали. И стоило незадачливому охотнику за ханской головой сделать хоть одно неверное движение, как он оказался бы проткнутым десятком копий и стрел.

– И даже на меня? – брови повелителя слегка изогнулись.

– Прости его хан, – вместо ответа ещё ниже склонила голову Тань Я.

– Взять её! – последовала хлёсткая, словно пощёчина команда Батыя.

Но не успели опустившиеся было наконечники копий телохранителей Батыя дёрнуться вверх, как половина из них была перерублена промчавшимся по кругу вихрем. Уцелевшая щетина копий была просто выбита из рук моих противников.

Привычным движением я перекинул за спину щит и, прижимая к груди подхваченную с земли драгоценную ношу, направил Алюра прочь от ханского куреня. О щит тяжело застучали стрелы преследователей. Стрелы были лёгкие и особого вреда не причиняли. Тем более, что влага сделала своё дело и привела в негодность тетивы луков. Ребята старались во всю, ведь на кону стояла их жизнь. Но я был уверен, что даже в такой ситуации ни один истинный монгол стрелять в лошадь не станет. Да ещё в такого красавца как мой Алюр. Каждый постарается набросить на него аркан, да утащить в свой табун для улучшения породы.

– Любимый мой, – доверчиво обмякнув в моих руках подняла глаза Тань Я. Конечно, из-за топота копыт слов я не слышал, но по щекотанию губ у моей шеи всё прекрасно понимал.

Я видел, что преследователи нас настигают. Что ни говори, а восемьдесят моих и пятьдесят килограммов принцессы это приличный вес. Но раньше погони нас нагнала княжеская Болонь и, призывно заржав, куснула Алюра за гриву. Тань Я довольно рассмеялась и играючи перемахнула в седло своей лошади.

– Именем хана Бату – остановитесь! – донёс степной ветер голос начавшего отставать конвоя.

– Останови коня! – крикнула мне Тань Я. – Они нам ничего не сделают.

Я пожал плечами и придержал поводья. Как вы уже, наверное, догадались имена нашим лошадям, давал я: Алюр – «быстрый, резкий» и Болонь – степенное «озеро осенних рек».

Мы повернули лошадей назад и, отпустив поводья, направились навстречу судьбе.

Хан встретил нас лёгкой усмешкой слегка прищуренных раскосых глаз. В отличие от своего деда Чингисхана он обладал более азиатской внешностью. Может быть, действительно, он был плодом меркитского плена Бортэ.

– Правду говорят – верь первому впечатлению, – произнёс он, сверля меня жёстким взглядом. – Твоя тень действи-

тельно очень хороша. Подари?

Я видел, как Тань Я буквально обомлела. Хану отказывать нельзя. Я же стоял, словно немой и глупо моргал глазами.

– Он не просто моя тень, он мой товарищ, – осторожно начала княжна. – Он спас мне жизнь в ниппонском походе и спасал ещё множество раз.

– И подарил тебе дочь? – произнесённые спокойным голосом слова хана были словно гром среди ясного неба.

– Скажи отцу твоей дочери, чтобы не тискал рукоять сабли, – усмехнулся Батый. – Смело, но глупо. Вечером жду тебя у себя.

По правде говоря, хану было чего опасаться. На него с регулярной последовательностью предпринимались покушения. Но Батый, как и его дед, имел талант держать в своём ближнем окружении только верных и надёжных людей.

По пути в Сыгнак на его тысячу верных кешиктенов напала орда кипчаков. Погибли все, но ни один не запросил пощады. Хвала Великому Небу и матери – это они спасли его жизнь. Мать настояла, чтобы сын остался и оценил прелести подобранной ему жены. Хитрый дядька сказал, что может это и к лучшему и отправил вперёд тысячу телохранителей. А сами они на следующий день тайно покинули стоянку матери.

При воспоминании об этом Батый злобно скрипнул зубами.

– Много у меня врагов и не столько внешних, сколько

внутренних, – разъяснили этот порыв следующие слова хана. – С внешними справиться не сложно, а вот как быть с теми, кто утром клянётся тебе в дружбе, а ночью подсылает убийц? – он вопрошающе взглянул на принцессу.

– Ты знаешь всех своих врагов, Бата, – не отвела принцесса взгляда.

– Бата ты назвала меня, как называла в детстве, – по лицу великого воителя проскользнула беззащитная детская улыбка. – После вечерней стражи придёшь в мой шатёр. – Повторил он свой приказ, стирая с лица улыбку жёстко прозвучавшей фразой.

– Я – воин! – вспыхнула девушка, а у меня невольно зачесались кулаки.

– Знаю! – рассмеялся хан. – А ещё товарищ по моим детским играм. Для плотских утех у меня хватает женщин, которых навязала мне моя мать. Среди них есть и принцессы, и бывшие жёны царей. А умных и верных людей рядом недостаёт.

– Слушаюсь, мой господин! – голова принцессы склонилась в почтительном поклоне.

Я же никому не кланялся. Псы ведь не имеют такой привычки, и за это на них никто не обижается.

Хан слегка тронул пятками бока своего Эркеза. Тот, словно понимая, что на его спине сидит вершитель судеб целого мира, неторопливо зарысил вдоль кибиток и шатров.

– Вечером пойдёшь вместе со мной, – произнесла прин-

цесса, задумчиво глядя на брызги грязи вылетающие из-под копыт ханского жеребца.

– Боишься за свою невинность? – отомстил я ей за «верного пса».

– Если бы я опасалась за свою невинность, то выбрала в провожатые твоего раба Диландая. Онлает, а укусить не может. – Парировала мой выпад девушка и тяжело вздохнула. – Знаешь, как трудно быть женщиной и воином.

– Да уж, – брякнул я что-то неопределённое.

– Тем более любимой женщиной, – кокетливо стрельнула она глазками в мою сторону.

Присоединившийся к нам Диландай неотрывно бубнил о том, что кое-кому не мешало бы не брать всё на себя, а помнить, что у них есть друзья.

– Как ты его терпишь? – недовольно поморщилась Тань Я. – Он ведь зануда несусветная.

Я, молча, пожал плечами, ведь в таком состоянии друга лучше не трогать.

– А некоторые совсем забыли, как их уму-разуму, не к месту будет сказано, по интимным местам ремешком учили, – совсем распоясался куин.

Я обмер.

– Ты с кем так разговариваешь, раб! – щёки принцессы медленно наливались рубиновым цветом. Даже стойкий степной загар не смог скрыть этого зарева. А костяшки сжимавших плеть пальцев побелели, и сама рука стала медленно

подниматься словно для замаха.

«Ой, что будет, – запричитал внутри меня мелкий трусишка. – Не иначе жди смертоубийства». Если Тань Я не сдержится и ударит Диландая, тот ничего не сделает в ответ. Он просто уйдёт. А значит уйду и я. Этот человек стал для меня дороже брата, и его судьба неразрывно связана с моей.

– Княжна! – негромко окликнул я девушку. – Не следует сердиться на такие мелочи.

Тань Я яростно сверкнула глазами в мою сторону. И всё-таки рука с плетью замерла на полпути. Если бы вы только видели этот взгляд – в нём бушевали все необузданные ураганы вселенной.

Я укоризненно покачал головой. Девушка поняла, что ещё немного гнева с её стороны, и случится непоправимое.

– И ты такой же! – крикнула она запальчиво и, подняв руку ещё выше, наотмашь хлестанула кобылицу.

Ни в чём неповинная Болонь обиженно всхрапнула и, присев на задние ноги, скакнула вперёд.

– Вот стерва! – восхищённо произнёс Диландай, когда промокший силуэт княжны растворился в струях дождя. Добродушный куин уже забыл, из-за чего произошёл сырбор.

– Эх ты, голова садовая! – похлопал я друга ладонью по лбу. – Она кто? Она – племянница короля уйгуров, мать ребёнка и, в конце концов, взрослая женщина. А ты «уму-разуму по интимным местам». – Передразнил я парня.

– Да я это... по-свойски, – пожал обескуражено плечами воин.

– Своякнашёлся, – вновь выругался я. – Забудь, что мы когда-то таскались вместе по морям и горам. Детство кончилось. Кто мы и кто она. Понимать надо! Мы с тобой здесь вообще на птичьих правах.

– Да пошло оно всё! – неожиданно психанул Диландай. – Я что нанимался? Соберусь и уйду домой! Я своё дело сделал.

– Это какое-такое дело ты сделал?

– Тебя спас? Спас! Теперь моя совесть перед светлой душой нашей Адзи чиста. – Он обиженно надул губы и отвернулся в сторону.

– Её мёртвой никто не видел, – произнес я сквозь зубы.

– Мы воины, брат, – посмотрел мне прямо в глаза Диландай. – Ты сам видел множество ран. Даже тудири не от каждой может исцелить.

– Там Барони, – упрямо произнёс я.

– Барони будет с ней до конца, – согласно кивнул головой Диландай.

– Ну и где же твой дом? – перевёл я опасный разговор в другое русло. – Куда ты собрался?

– А вот к Барони и поеду. Буду ему шаманить помогать. Нашу Адзи назад на землю возвращать.

– Ты? Шаманить? Не смейся! – рассмеялся я. – Тебе ведь надо обязательно драться. Ты всех клиентов у Барони распу-

гаешь. Испорченные мы с тобой войной люди.

– Зачем тебе идти следом за ней? – спросил о наболевшем куин. – Мы ведь можем и свою армию организовать.

– Это моя карма. – Ответил я. – Но я клянусь, что, если ты захочешь, мы уйдём от них вместе. Когда надумаешь покинуть лагерь, не пытайся бросить меня одного.

– Хитрый ты, – погрозил мне пальцем куин. – У тебя здесь женщина, ты её ради меня не бросишь. А я тебя не брошу.

«Бросил бы, – усмехнулся я про себя. – Получил бы от взбалмошной девки плетюганов и бросил бы».

Глава 6.

ПЕРВАЯ СЕЧА

И вот мы вновь уходим в тёмную уральскую ночь. Вернее, в яицкую. Это Екатерина II в 1775 году после подавления пугачёвского восстания велела переименовать реку бунтарских казаков Яик в Урал. В то же время в состав России вошли башкиры. Вот и назвала властительница Российской империи ни в чём неповинную реку именем героя башкирского эпоса.

– Придётся два раза переправляться, – отвлёк меня от экскурсии в будущее голос Бурундая. – Вернулся дозор. Проскользнуть в тыл болгар вдоль берега не получится, кругом заслоны.

Переплыть через Урал два раза за ночь – это что-то неправдоподобное. У Чапаева и одного раза не вышло. Но темник был настроен решительно.

«Даже если переплывём. А дальше что? Где на голом берегу можно укрыть одиннадцать тысяч всадников?» – размышлял я.

Своими сомнениями решил поделиться с Тань Я.

– Да всё я понимаю, – поморщилась она. – Но есть приказ хана и его следует выполнять.

– Даже ценой поражения?

– А что ты предлагаешь?

– Помнишь, перебежчики говорили об ушедших вверх лодьях? – начал я раскручивать возникшие в голове обрывки мыслей.

Принцесса посмотрела на меня заинтересованным взглядом.

– И... ты-ы!

– Вот именно, – улыбнулся я. – Нам следует подняться вверх и захватить их флот. Затем в разгар битвы мы спускаемся и...

– Булгары принимают нас за своих. И мы атакуем их с тыла, – восторженно закончила девушка.

– Что и требовалось доказать, – подвёл я итоги. – Дуй к Бурундаю и убеждай его последовать твоему плану.

– Нашему плану.

– Нет, моя дорогая, твоему. Я всего лишь телохранитель. Нам чужого не надо.

– Что ты, в самом деле, – возмутилась Тань Я. – Пора бы уже открыться. Бату обо всём знает, а остальные нам не указ.

– А дети Угэдэя? Он пока ещё Великий хан всех монголов. Уже через полчаса после того, как все узнают кто я, в Каракарум помчатся гонцы. Нет, моя принцесса, пускай всё идёт, как идёт, – отказался я.

Бурундай был парнем смышленным и сразу же ухватился за наш план. Он прекрасно понимал, что выполнить приказ Батыя мы не сможем, но перечить ему не стал, а как настоящий солдат пошёл умирать. Теперь же появился шанс. Единственной проблемой было то, что мы не знали, как далеко ушёл флот и где он стоит. А посылать разведку не было времени.

– Выступаем всем туменом. Немедленно! – совсем по-наполеоновски схватил быка за рога Бурундай.

И я понял, что этот парень – настоящий полководец. Он умел рисковать и принимать решения, понимая всю степень ответственности за их последствия. А ещё я вспомнил, где слышал это имя. Это он разобьёт русские войска Владимирского князя Юрия на реке Сить.

Ох, не зря нас свела судьбинушка. Ведь я вспомнил кое-что ещё. Но не будем забегать вперёд.

Шли мы вверх по Яику быстро и уверенно. Не обошлось без предательства. Предателем стал бывший правитель Булгарии Гази-Бараджа. В своё время Алтынбек изгнал его из страны и тот сбежал к монголам. Там от Угэдэя он получил «добро» на правление ещё незахваченной Булгарией. И теперь мужик старался услужить монголам верой и правдой.

Он порядком надоел Батыю, и тот отправил его в тумен Бурундая.

Лошадь Гази трусила рядом с моей и, скрашивая тяготы ночной гонки, её хозяин рассказывал мне свою историю. Он проникся ко мне доверием, когда узнал, что я не монгол. Вероятно, чтобы оправдать свою подлость, предателю радостно осознавать, что он такой не один.

– Я вижу, что ты рус, – говорил он. – А служишь Батыю. Значит ты, как и я, вовремя понял за кем сила.

Я молчал. Мне было неприятно, что этот предатель пытается приравнять меня к себе.

«А кто ты? – завредничал внутренний голос. – Ты идёшь с войском врага твоей страны, который хочет её поработить».

«Это не Россия, это сборище диких варваров, где правит сила кулака. Этой стране очень далеко до моей России, – в который раз пытался я оправдаться сам перед собой. – К тому же это исторический факт, что после монгольского ига Русь выйдет сплочённой и великой страной».

– У меня многое связано с русами, – принимая моё молчание за одобрение, продолжал болгар. – Мой дед Арбат был улугбеком³ на Москве, а отец мой Азан родился и девятнадцать лет прожил в этом городе.

«Это что, московский Арбат именем твоего деда называется?», – чуть не сорвалось с моих губ. Но я уже научился не высказываться вслух и поймал себя на мысли, что мне ста-

---

³ Улугбек – воевода.

новится интересно. Чёрт побери!

– Пятьдесят лет назад князь Всеволод Большое Гнездо пошёл походом на Булгарию, чтобы посадить моего отца на Булгарский трон, – рассказывал Гази. – Но в бою под городом Тухчи⁴ отца и меня малолетнего захватили в плен. Так мы оказались на Родине. Отец мой, Азан, был человеком умным. Он сделал хорошую карьеру и здесь. Со временем он стал улугбеком города Учель⁵, а после его смерти улугбеком Учели стал я. Через два года я вновь попал в плен к князю Юрию Всеволодовичу. Князь Юрий меня помнил и по дружбе посадил в темницу. Шесть лет я был пленником князя, пока не умер царь болгар Чельбир. Вот тогда-то Юрий меня освободил и поставил улугбеком Нижнего Новгорода.

– С чего такая доброта? – не сдержался я.

– Вот! – почувствовав мою заинтересованность, хмыкнул Гази. – Князь хотел поставить у правила болгарской лодьи своего человека, а для этого меня следовало возвысить. Всё вышло так, как он и предполагал. Не смогли поделить болгарские суварбаши верховную власть и семь лет назад попросили князя Юрия, чтобы отпустил он меня со службы принять власть над болгарским народом.

«Как всё у этих средневековых ребят запутанно, – подумал я. – Служил тому, служил сему... а в итоге – «не соизволите ли быть нашим царём?». Ничего не понимаю».

---

⁴ Тухчи – ныне Чистополь.

⁵ Учель – ныне Казань.

– Но через год это отродье шакала Алтынбек поднял восстание и вопреки древнему закону «булгарам не воевать друг против друга», пошёл с войском на столицу. Я не стал нарушать древний закон и, оставив власть, вернулся к князю Юрию. – закончил Гази повествования о своих злоключениях.

Если честно, то у меня язык уже не поворачивался назвать его предателем. Я понял, что такие метания были в то время в порядке вещей. Вождя искали не по национальному признаку, а по выгоде. Даже вера не играла решающего значения. Гази был мусульманином, а служил христианам. Хотя именно на этом и сыграл Алтынбек. Он назвал нового царя приспешником христиан и осквернителем веры.

– А что, русы и болгары часто воевали друг с другом? – поинтересовался я.

– Постоянно, – прозвучал равнодушный ответ. – Войску надо воевать. Мужики столько добра не заработают, им бы себя прокормить. А тут князь да дружина его. Все хотят вкусно поесть да тепло одеться. Вот и ходят друг к другу как волки на овчарню. А как же иначе. Не станет же войско со своим народом воевать.

– А что ж не объединились против монголов, ведь соседи вроде? —спросил я.

– Станный вопрос для телохранителя монгольской княжны, – хмыкнул Гази. – Ты сам-то давно в этих краях не был? Вижу я, что только по обличию ты русич, а об отчине

своей ничего не ведаешь.

– Ребёнком уехал я с отцом своим в края далёкие и только сейчас возвращаюсь на родину, – не стал вдаваться я в подробности.

– Пытался Алтынбек договориться с князьями русскими о совместном отпоре монголам. Перемирие даже на шесть лет купил за струги с зерном и мрамором, коим Юрий Владимирский вымостил полы в церкви Владимирской Богородицы. А когда подступил Батый к границам Булгарии, отправил Юрий на помощь десять тысяч дружинников под водительством сына своего Всеволода. Было это четыре лета назад. Шёл и я с тем войском, вёл дружину малую нижегородскую. Дошли мы до города Буртаси здесь узнали, что отбился от Буту-хана Алтынбек, ушли монголы.

Уйти бы и нам восвояси, ан-нет, – усмехнулся Гази. – Ододела алчность княжьего сына.

– Неужто ничего не добудем мы в походе этом? – обратился он к воеводам муромского и рязанского полков. – Харчей да корма лошадиного извели мы изрядно, пристало ли нам из похода воинского в убытках домой возвращаться?

– А что ты хочешь предложить нам, княжич? – спросили его воеводы.

– Давайте пограбим город буртасов, возьмём зипунов, да полону с рухлядью. Вот и будет нам прибыток, – сказал тогда Всеволод.

– И что? Пограбили? – спросил я. Удивлению моему не

было предела. Вот ведь выдают предки!

– Я пытался образумить молодого княжича, что негоже грабить Буртас. Союзники они нынче наши. Ну, куда там! Загорелись глаза у воевод, согласились они со Всеволодом. Стали они жечь да грабить, а я со своей тысячей нижегородцев отошёл к крепости Саран⁶.

– Что же было дальше? – поторопил я замолчавшего булгарина.

– А что дальше, – вздрогнул тот, погрузившись было в свои мысли. – Буртас они взять не смогли, а тут и Алтынбек с войском нагрянул. Посёк он русское войско изрядно. Мало кто возвратился. Пришлось мне дружину нижегородскую домой отправлять, а самому уходить к монголам. Понял я, что не сварить мне каши с Юрием. Да и не простил бы он мне того, что уклонился я от сечи и оставил княжича одного супротив Алтынбека. А ты говоришь о союзе. – Ухмыльнулся Гази. – С кем союз-то? Только отворишься, как союзники в спину нож вонзят. Правильно сказал пророк, что если Аллах желает кого-то наказать, то он отнимает у него разум. Отольются теперь князьям Владимирским их глупости.

– И не только им, – произнёс я.

Я начинал понимать, почему монголы так легко завоевали Русь. Не было согласия не только между князьями, но и международная политика была не ахти. Вернее, её не было вовсе. Всё делалось для того, чтобы отворотить от себя по-

---

⁶ Саран – ныне Саранск

тенциальных союзников. Мораль в те времена была совершенно иной. Значитнужно было русским князьям монгольское иго, ибо только оно сплотило Русь на борьбу с захватчиками. Видимо так определено Богом, что только через боль и страдание русский человек способен понять истину. А поняв её, он становится неудержимым.

– Внимание! – донеслось от головы колонны, и мелкая рысь лошадей замедлилась.

– Дошли, – выдохнул, не вмешивавшийся до сей поры в наш разговор, Диландай.

Ехавшие впереди нас Бурундай и Тань Я пришпорили лошадей и устремились вперёд. Мы поскакали следом.

«Интересный собеседник этот болгарин, – думал я, не упуская из виду покачивающуюся спину принцессы. – И жизнь помотала его как следует. Такое только в приключенческих романах следует описывать. И предателем зря поспешил его определить. Такова мораль тогдашнего общества».

Скакавшие впереди остановились.

– Огни, господин, – доложил вполголоса десятник из дозора.

– Где? – хрипло спросил Бурундай.

– В заводи на том берегу.

– Сотню Азана ко мне! – приказал темник.

Через пять минут явился сотник. Бравый и кривоногий он, преданно вращая глазами, вытянулся перед Бурундаем.

– Берёшь свою сотню и сотню Ятыгея и переправляешься

на тот берег, — коротко приказывал темник. — Захватываешь лодьи и сигналишь нам. Главная задача — никого не упустить живым. Головой ответишь!

— Я всё исполню как надо, господин, — довольно осклабился парень. — Никто не уйдёт.

Диверсанты ушли, и ночь поглотила буруны, оставляемые их лошадьми на воде. После полутора часов мучительного ожидания с противоположного берега замигал сигнальный огонь. Все облегчённо вздохнули.

— Тысяцкие, переправляйте своих людей! — невозмутимо приказал Бурундай. Ни один мускул не дрогнул на его прокопченном степными ветрами лице.

Меж тем Восток уже подёрнулся серым налётом предрасветного пробуждения. Лёгкие брони кавалеристов покрылись мелкими каплями туманной влаги.

— Опаздываем, — негромко произнёс темник.

— Успеем, — успокоила его принцесса. — Бату выдержит.

— Лошадей оставить с коноводами! — приказал Бурундай. — Идём налегке.

Сменяя друг друга на вёслах, мы понеслись по быстрому течению Яика к своей судьбе. И вот, когда нос струга вынырнул из-за очередного поворота, перед нами предстала картина битвы.

Монгольское войско было окружено и сражалось с героизмом обречённых. Волны болгарских конников накатывались на круг обороняющихся откатывались назад. А на зем-

ле оставались раненые и успокоившиеся на века убитые.

По рядам болгар пронёсся радостный крик, когда они заметили нас и приняли за своих. Половина дела была сделана.

В полном молчании суда причалили к берегу. Самые нетерпеливые, не дожидаясь пока кили лягут на дно, прыгали в воду. И орда дико визжащих людей ринулась в бой. Булгарские воины недоумённо остановились, озираясь по сторонам. Понимание происходящего пришло быстро, а вместе с ним и отрезвление.

Очень тяжело настроившимся на победу перестраиваться. Здесь необходим опыт закалённых воинов и талант полководца. А в армии болгар было много ополченцев. Они то первыми и побежали. Булгар было больше, но им стало страшно, а победа – дама капризная. Она не любит тех, кто не желает за неё сражаться.

Битва была кровопролитной. Несмотря на то, что ополченцы дрогнули, основные войска болгар стояли насмерть. Мы с Диландаем повсюду следовали за принцессой. Я несколько раз прикрывал её щитом от метких стрел башкирских и половецких всадников. Глупая девчонка отчаянно кидалась во все горячие заварушки.

– Нам что, больше всех надо, – досадливо ворчал Диландай, отбивая пику болгарского кавалериста и подрубая жилы его коню. – Так я и до старости не доживу.

– Ты что, брат, собрался жить вечно? – кричу я, едва успев прикрыть девчонку своей грудью. Вернее, чжурчженьским

доспехом, что на мне надет.

Больно, чёрт побери! Но хорошая бронь выдержала и на сей раз. Я подмигиваю Диландаю, что, мол, пора принцессу потихоньку вытеснять из кровавой каши. Наши попытки удаются, и мы останавливаемся в стороне от занятой убийством толпы. Тяжело дыша, мы оглядываемся по сторонам. Да уж, наделали делов.

– Тихо! – поднимает руку Тань Я.

– Кто-то стонет, – согласно кивает головой Диландай.

А я уже скидываю наваленные трупы, из-под которых доносятся стоны раненого. Вот и разметавшиеся, слипшиеся от крови, рыжие волосы.

– Алтынчеч! – присвистнул я обескуражено. – Ну почему мне! – Я уже понял, что не выдам раненую девушку и от этого злился на себя ещё больше.

– Ты чего? – вопрос Тань Я остался незавершённым. – Нет! – произнесла она, взглянув мне в глаза. – Она принадлежит Бату. Ты не сделаешь этого!

– Я уже делаю, она спасла нас от смерти, – недовольно поморщился я, разглядывая её рану. – Диландай перевяжи, а я посмотрю по сторонам.

– Эх ты, —по-детскиобиженно произнесла принцесса.

– Девочка моя, ты ведь лучше меня знаешь, что с ней делает Батый. Это не моя война, я не собираюсь отдавать её на заклятие. А ты подумала, почему именно мы оказались рядом с ней?

– Ты скажешь, что это провиденье высших сил, – махнула рукой принцесса.

– Вот видишь ты и сама всё понимаешь, – улыбнулся я. – Когда-то вот также я спас и тебя. Ты ведь об этом не жалеешь?

– Порядок, – произнёс Диландай.

– Ты это зачем? – удивился я, разглядывая совершенно лысую голову Алтынчеч.

– Маскировка, – пожал плечами куин. – Теперь она не Златовласка.

– Сговорились, – махнула рукой Тань Я.

Я приказал Диландаю спрятать нашу опасную находку.

Сеча меж тем заканчивалась. Монголы азартно преследовали и добивали бегущих болгар. Мы с Тань Я направились в сторону развевающегося бунчука Батыея и стали там свидетелями встречи.

– Вовремя ты подоспел, темник, – проворчал залитый с головы до ног кровью Батый.

– Я спешил как мог, мой хан, – прислонил кулак к груди Бурундай и, отдавая дань справедливости, добавил, – если бы не принцесса Тань Я, праздновали бы сегодня победу болгары.

– Вот как! – скосил узкие щёлки глаз на подошедшую принцессу Батый, но спрашивать ничего не стал. А зачем? Раз его полководец делится успехом с кем-то ещё, значит, тот его заслуживает.

– Найти Алтынбека и дочь его Алтынчеч! – приказал хан кешиктенам. – Желаю посмотреть, настолько ли она златовласа, как о том говорят. А болгарского хана отдайте нашему другу Гази-хану. Это ведь его она назвала бабой.

После этих слов загоревшее лицо Гази потемнело ещё больше. Он с ненавистью вспомнил, как в прошлом году к нему заявила эта девица и от имени отца обозвала его бабой.

А случилось это так. После того как великий хан Огодай (Угэдэй) назначил его ханом болгар, Гази прибыл в ставку Мергена в городе Кызыл Яре⁷. Он разослал во все города указ о том, что Великий хан всех монголов назначил его эмиром Булгарии и тот, кто не подчинится этому указу, будет иметь дело с монголами. Первым власть Гази Бараджа признал улугбек земли Башкорт Ильхам Иштяк, и Гази переехал в Уфу. Затем под его руку пришли улугбек Казани Хисам и улугбек города Банджи Ильяс Ялдау.

Приехала в Уфу посланцем от царя и Алтынчеч. Она дерзко заявила, что отец сказал, что предатель для своей страны хуже продажной девки. А так как он отныне баба, то и приказ об объявлении его изменником привезла ему баба.

– Зря вы показываєте свою гордость, – сдерживая гнев, сказал тогда Гази. – Монголы завоевали полмира. Те, кто им покорятся, останутся целы, все остальные погибнут.

– Погибнуть в бою не зазорно, – усмехнулась девушка. –

---

⁷ Кызыл Яре – ныне Петропавловск в Казахстане

Погибнуть за отчизну великая честь.

– Повелитель, – сотник кешиктенов в страхе повалился на колени. – Булгарского хана и его дочери нет ни среди живых, ни среди мёртвых.

– Ушли, – сжал зубы хан. – Но ничего, недолго им гулять осталось.

Глава 7.

НА СТОЛИЦУ!

– Перестань скалить зубы! Смотреть противно, – фыркнула недовольно принцесса.

И в самом деле, смотреть на глупую рожу влюблённого куина было весьма презабавно.

– Она спит, – шёпотом произнёс Диландай.

– А я ем. И что? – передразнила его Тань Я.

– Э-эх, – махнул рукой воин. – Ничего ты не понимаешь.

– Да уж, конечно, куда нам, – продолжала допекать парня принцесса. – Мы-то в любви ничего не понимаем.

– Златовласка, – мечтательно протянул Диландай. – Ни у кого нет таких волос.

– Рыжая-бесстыжая, – вновь фыркнула Тань Я. – Нашёл Златовласку. Чувствую я, достанет нам от неё ещё горя.

Я сидел молча. Вмешиваться в разговор друзей не хотелось. Алтынчеч ехала в нашей кибитке, а непоколебимый куин имел неосторожность влюбиться в царскую дочь. Девушка уже пришла в себя и быстро шла на поправку.

Мы остановились на привал и коротали ночь у костра.

Впервые за всё время Диландай вынес Алтынчеч из кибитки и, закутав её по самые глаза в верблюжье одеяло, пристроил у костра. Она, как и я, молчала и только переводила грустный взгляд с одного спорщика на другого.

– Я не рыжая, – как гром среди ясного неба прозвучал её слабый голос. – Я лысая. – И из глаз несчастной девушки потекли слёзы.

– Глупая, – не сдержалась погладила её по голове Тань Я. – Волосы отрастут, была бы голова целая.

– Тихо! – насторожился Диландай. – Там кто-то есть. – Скосил он глаза в сторону кибитки.

Мы примолкли, а куин, извернувшись словно пантера, прыгнул под возок. Раздался короткий всхлип и неприятный хруст шейных позвонков. Мы молча переглянулись, и стало понятно, что за нами следили.

– Под кибиткой гад притаился, – переведя дыхание, сообщил вернувшийся куин.

– Мы уже поняли, – озабоченно произнесла Тань Я. – Интересно один он там был или нет?

– Шпики по двое не ходят, хотя... – не стал я заканчивать свою мысль.

– Интересно, приставлен он к нам был или это случайный соглядатай? – нахмурила брови Тань Я.

– Если приставлен, надо вспомнить, могли ли мы где-нибудь с принцессой проколоться или нет. Думайте, – посоветовал я.

– Да, вроде бы нет, – неуверенно произнёс Диландай. – Я её сегодня впервые из кибитки вынес.

– Так не пойдёт, – покачал я головой. – Мы должны знать точно, иначе...

Все поняли, что я имел ввиду.

– Мне надо уходить, – прозвучал из-под одеяла женский голос. – Я не хочу, чтобы у вас из-за меня были неприятности.

– Неприятности— это мягко сказано, – усмехнулась уйгурская принцесса. – А сможешь ли ты сесть на лошадь?

– Смогу, – прозвучал твёрдый ответ. – Я уже чувствую себя гораздо лучше. Только скажите мне, что с моим отцом? Он погиб?

– Ни живым, ни мёртвым его никто не видел, – успокоил царевну Диландай. – Наверное, ему удалось уйти.

– Диландай избавляется от трупа, Тань Я собирает царевну! – не стал я лить лишних слёз. – Время работает против нас.

Через час куин вывез девушку из лагеря. Назад он не вернулся. Весь следующий день мы были в пути, а к вечеру передовые отряды вышли к Итилю⁸. Перед нами во всей своей красе раскинулся торговый город Булгар. Булгарские заслоны немного постреляли из луков и ударились в бегство. Преследовать их никто не стал.

– Войскам становиться на отдых. Темникам отправить по

---

⁸ Итиль – ныне Волга.

сотне нукеров на добычу провианта, – распорядился Бату.

О Булгаре Великом в прошлой своей жизни я ничего не знал, а между тем это был первый город, который принял на себя удар монгольского войска с начала Западной кампании. Располагался город на обрывистом левом берегу Волги, в тридцати километрах вниз от впадения реки Камы.

– Хан Бату желает немедленно видеть принцессу у себя! – принёс посильный неприятную весть.

После ночных событий мне меньше всего хотелось бы встречаться с ханом.

– Не знаю, что нас ждёт, – задумчиво произнесла принцесса, застёгивая перевязь с саблей и миниатюрным кинжалом. – Но не пойти нельзя.

Висевший над головой полумесяц тускло освещал серебристые чешуйки на её парадной кольчуге и отражался в глядевших на меня глазах.

– Мы умирали столько раз, что я уверовал в своё бессмертие, – улыбнулся я ласково. – Батый неплохой парень, идём, чего уж там.

– Мы вместе, – коротко ответила Тань Я.

В шатре Батыя было немногочисленно – только его родные братья и Субедэй. Одноглазый полководец пристально посмотрел в нашу сторону и неодобрительно покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.